

BANDY SHOLTES

T-SHIRT ОЛЮГМЯ:

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ФУТБОЛКИ

Bandy Sholtes

**T-Shirtология. Общая
теория футболки.
Полутрикотажный роман**

«Фолио»

2015

Sholtes B.

T-Shirtология. Общая теория футболки. Полутрикотажный роман /
B. Sholtes — «Фолио», 2015

Я пробовал в жизни разные штуки, но у меня всегда было два параллельных увлечения: писать тексты и придумывать надписи на футболках. Ну и однажды пришла идея соединить эти направления. Так получился полутрикотажный роман, написанный в новом смысловом поле. Где-то на стыке литературы и футболок. Если вы ходите в бары, думаете о женщинах и носите одежду со словами на груди – эта книга про вас. И начать читать о похождениях главного героя можно с любой страницы. Ну и футболки – как способ самовыражения, как образ жизни, как система идей. Книга проиллюстрирована не на шутку – именно тот случай, когда лучше один раз увидеть. Просто загляните в книгу. Смелее, just do it. Персонажи книги являются вымышленными и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.

© Sholtes B., 2015

© Фолио, 2015

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

60

Bandy Sholtes

T-Shirtология: Общая теория футболки: полутрикотажный роман

– Печать на футболках? Это тема.

Йоганн Гутенберг

– Вас какой размер интересует?

– S и, может быть, M.

– Вот, пожалуйста, есть разных цветов...

– Ага...

– Такие, и ещё вот такие...

– А с буквами у вас есть?

из диалога в магазине

Футболка надевается через голову.

Google

Все дурацкие футболки похожи между собой, а все хорошие – хороши по-своему. Всё смешалось в моей голове.

Проснувшись утром после беспокойного сна, я обнаружил, что лежу на кровати в позе какого-то страшного насекомого. Лёжа на спине, я видел свою заношенную майку-ночнушку, потный живот и готовое вот-вот окончательно сползти одеяло.

Снился мне худой старый рыбак в выцветшей майке. Будто уже восемьдесят четыре дня он не может поймать в Гольфстриме ни одной рыбы. Ещё снились лодка и старый парус. И что первые сорок дней в море с рыбаком ходил мальчик. Сорок дней во сне – это долго. А восемьдесят четыре очень долго.

Я живу на вилле Боргезе. Кругом – ни соринки, все стулья на местах, футболки выглажены и сложены в шкаф. Мы здесь одни, и мы – мертвецы.

Они там. Чёрные в белых майках, встали раньше меня, справят половую нужду в коридоре и подотрут, пока я их не накрыл.

И я подумал: ну разве можно серьёзно относиться к футболке без картинок и букв?

У меня есть магазин футболок. Точнее был, раньше. Назывался «T-Shirtология». Я придумывал футболки, я наносил на них слова и картинки, я же и продавал. А затем всё накрылось медным метастазом.

Август. Идёт девушка в майке. С большими природными данными. Больше среднего. На майке девушки написано: NATURE. Буквы тоже больше среднего. Смотрю вслед. Что она имела в виду? Что имела в виду её майка? Думаю, мы этого никогда не узнаем. Загадка природы.

Ведь если ты культурно пиаришь матушку-nature, а окружающие этого не понимают – потому что за могучим бюстом не видят твоей большой души – это их проблемы.

В общем, чуваки, у нас проблемы.

У всех чуваков одни и те же проблемы.

Двадцать метров и снова девушка. Их немало и они в майках. Жарко же.

Эта девушка какая-то хилая, будто авитаминозная. Почти больная.

Солнце светит и растёт трава. Но тебе она не нужна.

Высокая плотность населения – снова сиськи, снова буквы. Но уже поменьше, чем у предыдущей.

На ней майка «Total Beautiful Girl».

Очередная загадка природы.

Но вот интересно: здоровая грудь нуждается в таком же количестве витаминов, как маленькая? Или ей нужно больше всех этих А, В, С, D и фолиевой кислоты? Думаю, в богатой заморской стране учёные уже монографии пишут и порочные эксперименты на крысах проводят. О взаимосвязи витаминов и размера лифчика в условиях высокой плотности населения.

Нет, по одному лишь трикотажу делать выводы аморально. Прошу прощения у девушек с тяжёлым бюстом. Неблагодарно встречать по майке, а провожать по сиськам.

Ведь как гласит небезызвестная в определённых кругах футболка – Big Tits Is Not A Crime.

Тупая мужская романтичная ночнушка. Мимими.

Утром встал, умылся, позавтракал и ушёл на работу. А ночнушка твоя осталась на подушке, рядом с ней. Проснётся и прочтёт. Улыбнётся и зевнёт.

Потому что она, сука, фрилансер и спит до пол-одиннадцатого.

Кому сосуд, кому горшок, а кому ночная ваза.

Слово «майка» мне симпатичнее, чем «футболка». Слишком уж второе спортом отдаёт. Травмы, букмекеры, хулиганы. Реклама спонсоров на груди. И почему именно футбол? А где регби, хоккей на траве и конкурс воздушных гитар?

Потому часто пользуюсь словом «майка». Не то чтобы терпеть не могу футбол и рекламу. Но на то оно и предисловие, чтобы предупредить.

Знаете, что такое Плохой Моторный Палец? Нет, не имя индейца. Щас расскажу, короче. Девяностые годы. Мне двадцать лет. Волосы не стрижу, звёздным небом не интересуюсь, моральный закон не писан. Люблю grunge, вино, нескромных женщин и лёгкие игрушки. Те, что по пять баксов пакован, цены тогда такие были.

А что ещё любить в двадцать лет? Ну да, книги там, сигареты, болтовню по телефону, отбивные с жареной картошкой, само собой.

Но будни – не игрушки.

Сентябрьским утром я еду в ужасный ненавистный тупой холодный скучный дубовый университет, где есть всё, чего не люблю. Одна радость – болтовня на переменах. О колбасной музыке, пьяных приключениях, кайфовых книгах. А о чём ещё говорят в двадцать лет?

О сексе говорили мало. До сих пор не врубаюсь, почему.

А отбивные были вообще табу.

Я еду в полном автобусе. Ни сесть, ни почитать.

Невыспавшийся и злой, без мыслей и без пощады. Сорок минут.

На конечной из этого же «Икаруса» выходит девушка. Иду за ней – под расстёгнутой курткой я, кажется, заметил кое-что. Догоняю, заглядываю – так и есть.

Девушка уловила мой взгляд и отвернулась. Мне насрать.

На этот раз я не о сиськах. А о майке *Vadmotorfinger*. С большой буквы в одно слово, почти как юрийгагарин. Бэдмоторфингер – это альбом группы *Soundgarden*, из Сиэтла. Я уже полгода люблю его, по три раза в неделю. Даже клип видел, *Jesus Christ Pose*. Классная вещь. Чёрно-белый, правда, клип – вечно тогда неразбериха была с этими пал-секамами.

А майку с обложкой *Vadmotorfinger* вижу впервые. У нас таких не продают. Вообще фиг знает, где их продают.

И тут на тебе, в обычный беспощадный вторник футболка моей мечты, натянутая на женское студенческое тело, шагает в скучный дубовый университет.

Запоминаю лицо и иду на лекцию. Внешность у неё запоминающаяся. Большие непонятной расцветки глаза расставлены криво – будто два кусочка несвежего брокколи уронили в сметану. Нос от бровей начинается орлино, а приближаясь ко рту, расплющивается на верхней губе – как кончик носа *Lois Armstrong*-а. Губы похожи на две растоптанные мармеладные конфеты без обёрток. Волосы – сухая трава, покрашенная слипшейся кисточкой в чёрный цвет. Несмотря на проблемы с матушкой-nature, сиськи у неё есть, прости меня, *Jesus Christ*.

Давно, кстати, подметил закономерность: природа – строгая, но справедливая бухгалтерша. Красивым сисек выделяет скупое, а страшным – щедро. Чтоб у немилосердных мужчин был выбор. Исключений, конечно, много, но статистика всё же приблизительно не врёт.

Ну, её сиськи не то чтоб меня сильно заинтересовали – я их заметил просто потому, что иначе не может быть никогда. И потому, что майку хорошенько рассмотрел. Да и практически

ничего в её случае молочные железы не решали. И никакой гипервитаминоз бы ей не помог. Так как бетоно- и трубоподобная фигура, кожа лица и штаны бедной девушки сочетались в таком арт-комплексе, что её фото могло бы стать обложкой альбома. Первого альбома группы Unhappy Artists под названием «Kiss Me, Son of a Bitch». Хотя во всём перечисленном её вины нет. Ну, кроме штанов.

Дня через три я снова её увидел – в той же майке. И понял, что про себя называю её то Badmotorfinger, то Плохой Моторный Палец. Учитывая её внешность и некоторую связь между понятиями «пенис» и «средний палец», стало ясно, отчего у пальца, то бишь пениса, плохая моторика в присутствии девушки.

Через неделю я решил подойти к ней. Сделал вид, типа хочу познакомиться. Она даже улыбнулась мне. Молодец, духом не падает. Улыбка – будто плакат Фредди Крюгера надорвался в районе рта. Не важно.

Короче, я пококетничал, как умел и спросил, откуда майка.

– Привезли.

– Откуда?

– Не твоё дело.

– Тебе тоже нравится Soundgarden?

– Конечно.

Мне повезло – оказалось, она малословная, как Чарльз Бронсон. Возможно, чтоб не светить зубами лишний раз. Мне посчастливилось увидеть лишь три. Не знаю, может, зубы были и настоящие. Но выглядели, как три красивых камушка, которые она нашла на берегу реки. И довольно ловко прикрепила их розовой жвачкой к десне. Handmade типа. На память о летних каникулах. Не важно.

– Продашь майку?

– Нет.

– Продай, сколько хочешь?

– Не продаю, мне она самой нравится.

Короче, я её уламывал раз пять. Подходил в универе, улыбался, спрашивал как дела и всё такое. Ни в какуюю.

Зато она стала здороваться при встрече. Друзья улыбались и спрашивали кто это. Я краснел и оправдывался. Будто меня застали за прослушиванием Bad Boys Blue.

В конце месяца, получив стипендию, я подошёл к ней и решил надавить на жадность. Блеснуть наличностью и усыпить бдительность.

Никакого результата.

Затем, подсчитав сколько морального ущерба нанесло мне общение с Плохим Моторным Пальцем, я понял, что майка уже моя. Без денег. И я забил на неё. Перестал здороваться. Двадцатилетние мальчики иногда беспощадны к девушкам. Особенно если внешность их не способствует спасению мира красотой и возделением, прости меня, Jesus Christ.

Так я и закончил университет без той майки. И Soundgarden уже не помню когда слушал последний раз. А девушку иногда вижу в городе. Она растолстела. Как ни странно, это смягчило острые углы её наружности. Оно и понятно – с годами обложки группы Unhappy Artists стали менее экстремальными и пугающими. Взрослеют и мудреют – как все группы. А я вижу, как она, уже давно без той майки, но в таких же штанах, сидит-курит где-то на лавочке, всегда одна, и думаю о том, отчего природа-бухгалтерша бывает к некоторым даже более жестокой, чем беспощадные двадцатилетние раздолбаи.

И ещё думаю, что Плохой Моторный Палец, скорее всего, знала – продай она майку, больше не подойду. Майка как поддерживающее нашу связь слабое звено.

Вот тебе и хеппи энд – оказалось, я романтик. А встроенного в организм романтика никакими колбасными музонами и несчастными артистами не вытравишь. Заводские установки – вещь упрямая.

Люди, которые приходят выбивать долги, живут на специальной планете. Оттуда их вызывают на нашу, человеческую гуманную планету, где они выполняют свою угрожающе-финансовую миссию, а затем на чёрном космолёте возвращаются обратно.

Стук. Открываю дверь. Стоят двое одинаковых некрасивых инопланетянина в спортивных.

– Мы от Олега.

– Какого Олега?

– Не включай дурака. Три тысячи это тебе не трёхколёсный велосипед. Давай деньги.

– Какой трёхколёсный велосипед?

– Пойми, дорогой, – сегодня мы согласны взять три тысячи, а завтра возьмём уже больше.

Бля, откуда они знают, что мы на прошлой неделе ходили выбирать детский велосипед?

Я пересрал. В башке замигал калькулятор. Арифметика банкрота.

Значит так. Можно продать золотую цепочку с крестиком, и так без дела в шкафу лежит. Есть чешские джазовые пластинки межвоенного периода. Коллекция советских ёлочных украшений пятидесятых годов, с раритетной хрущёвской кукурузой включительно.

Ну, а если совсем припрёт, в качестве козырей – антикварные книги. Массонская «Разсуждение объ истлѣнии и сожжении всѣхъ вещей бла-бла-бла», Москва, 1816 год. И «Краткое описание жизни древнихъ философовъ бла-бла-бла», сочинение архиепископа Камбрийского, Москва, 1788 год. Мне их пьяный Игорёк подарил, барабанщик и немец из Сыктывкара.

Но даже банкроту понятно, что антикварными козырями в начале игры не разбрасываются.

– У меня есть пароварка, почти новая. Тефаль. Могу отдать.

Футболка для тинейджеров. Надел, крикнул «пока» и хлопнул дверью.
Боже, если б у меня такая была в восемнадцать лет...

Ничего бы, конечно, не изменилось. Но приятно. Звонишь маме и, максимально концентрируясь, чтоб не заржать, непослушным языком вешаешь ей подростковую лапшу. Типа остаёшься ночевать у друга. Типа страшно домой идти. Типа денег на такси нет. Романтикам и лузерам шляться по ночам вредно. Ночь – строгая и несправедливая бухгалтерша, пиздюлей может выписать тока так, без предоплаты и калькуляций.

А для возвращения домой такую: Мама, Гm Beck.

Приходишь и напеваешь:

– Гm a loser baby, so why don't you kill me.¹

Хотя мама, конечно же, совсем не baby.

Оказалось, майки & футболки – что-то типа трикотажной линии мышления. Не успел задуматься, и они сами в голову лезут. Без примерки.

Что бы там ни говорили, но майка с «вывеской» – не просто одежда. Это афоризм, это меседж, это лозунг, это пароль, это провокация, это история, это игра слов, это извращённая цитата, это хаха, это хихи.

Слова на груди человека – хочет он того или нет – сообщают о нём некоторую инфу. Что хавает, чем дышит. Пусть на одежке ни буквы, ни линии – это тоже позиция, тоже штрих-код, тоже некоторый запах изо рта.

Например, футболка Шрёдингера. На ней одновременно и есть «картинка», и нету.

Или, скажем, загадочный крокодил на груди – это что? Бренд, аллигатор, журнал, рассказ Достоевского, крокодил Данди, игра в ассоциации или не имеет значения?

Стоит представить эти майки на телах друзей, прохожих или на нас самих, и станет очевидным, что от теории до груди человека – рукой подать.

Никакой, конечно же, T-Shirt-истины нет. Даже в обычную майку с обычным AC\$DC (да, да, именно AC\$DC, это не опечатка) носители вкладывают свой смысл. Мальчик заявляет миру, что уже немаленький. Разведённый холостяк намекает, что он весь-из-себя-молодёжный и вполне ещё огого. Бывший рокер пытается убедить прохожих, что он не просто пьяница, а меломан. Бабник пришёл типа-на-концерт, но в душе тешит себя надеждой подцепить воон ту явно нетрезвую девку в майке Korn. А кто-то просто не нашёл в своём шкафу ничего другого.

Буквы на людях мельтешат повсюду, и не только в августе. Но, хотя и кажется, будто мы свободны в своём выборе, на самом деле трикотажное общество устроено так, что мы далеко не всегда носим то, что хотим. Message одежды часто навязан извне.

¹ Припев песни «Loser». Автор – музыкант Beck Hansen.

Но афоризмы, лозунги, провокации и даже хаха и хихи, изображённые на футболках, постоянно меняются. Это двадцать первый век, baby.

Второй инопланетянин, который молчал, вытащил из кармана секатор.

Я пересрал ещё раз.

Ладно, достал бы нож. Нож, конечно, тоже не киндер-яйцо, но секатор... Садовник бля выискался.

– Это интернет? – указал он на кабель, ведущий из коридора в комнату.

– Какой интернет?..

– Такой.

И он перерезал кабель. В двух местах.

– Эй, вы что?.. Подождите!..

Получившийся кусок кабеля и секатор он сунул в карман. А меня схватил за свитер и сделал туда-назад-обратно. Затем словил мой взгляд и снова туда-назад-обратно. И снова.

Почти не больно, но страшно. Чувствуешь, что он умеет не только так.

– А ещё у меня это, – сказал я, – старинный гобелен есть. Передайте Чернову, что...

Не дослушав, они хлопнули дверь.

Эй, а попрощаться? Меня что, не уважают в собственном доме?

Если файл находится в голове, то кликом мышки по файлу может стать что угодно. Пыль на книжной полке. Опечатка на мониторе. Лак на женских ногтях.

Замысел рождается крошечным и безмянным. Не успев повзрослеть, уходит в полушария мозга. Тусует по извилинам, как в ночном клубе. Подчиняясь не только твоей воле, но и

правилам внутричерепного движения. Там ведь и своё кино есть. Независимый кинематограф типа.

Голый замысел тусит, где хочет и берёт всё, что плохо лежит. Лишних внутричерепных тараканов, например, или там клип Bad Boys Blue. Как вор, который забрался в хату за деньгами и серебром, а по жадности берёт шпротные консервы, хрустальные бокалы и охапку галстуков.

Чтоб замысел не превратился в чудовище и не натворил чего по молодости, надолго отпускать его нельзя. Если норовит смыться, его надо ловить. Слизать языком, заколоть маркером или стукнуть клавиатурой по башке. Пока не спрятался за плинтусом.

Проследить замысловатый маршрут файла трудно. Но – допустим. Ведь склонность незрелых файлов к посещению чужих папок и квартир подтверждается алкогольными и любыми иными химическими наблюдениями.

Нетрезвый, выросший до неприличных размеров файл часто выныривает из внутричерепного клуба с таким букетом галстуков, который мы не заказывали и о котором вначале даже не подозревали. Не подозревали о возможности *такого* букета.

Сидели мы как-то с Юрой В. Курнули там, вина попили. Рассказал я ему о свойствах замыслов и шпротных консервах, и он сказал:

– Ты знаешь, я и сам такое не раз замечал. Идеи в воздухе носятся.

– И не говори. Делать им нечего.

В общем, мы с Юрой решили, что от пустоты до замысла – один клик.

Клик – иди туда не знаю куда.

А я тем временем бутерброды забачаю. Жую и жду.

И вот вырывает файлик, наконец-то. Весь в пыли, напевая дурацкие песни. Главное, что вернулся.

Ну-ка, посмотрим, что нам внутричерепной вор принёс.

О, парочка журналов «Иностранная литература» 1990 года.

Так кажется на первый взгляд. Но под «иностранкой» лежит кассета группы Nine Inch Nails, которую я выбросил ещё в прошлом веке.

И ещё на воре почему-то пиджак дедушки довоенного фасона.

А в кармане – венгерский игрушечный вигвам, подарок тёти Розы.

А за пазухой – книга о городе Самарканд с бледными иллюстрациями.

И вдобавок нащупываю под пиджаком нежно пахнущую майку моей двоюродной сестры, в которой она выглядела очень sexu в конце восьмидесятых. Ярко вспоминается её кожа, линия тела и особенно ноги. Ноги, которые я долго считал самыми прекрасными в мире. Любимые ноги моей юности. И однажды, когда мне было пятнадцать, а ей шестнадцать...

Стоп. Только этого блин ещё не хватало.

Несколько провокативная майка. Лицам с заболеваниями центральной нервной системы носить не рекомендуется. А в тюрьме надевать такую не советовал бы даже Чаку Норрису.

Юра В. рассказывал, что видел в армии настоящую, сделанную на руке живого человека, татуировку: «Умру за горячую еблю».

Кое-кто считает, что в будние дни жизнь течёт и пульсирует в барах. Не дома, не в офисе и не в поликлинике, а в барах. В некотором смысле это правда.

Ну и пошёл я во вторник в бар. Пульс жизни шупать. Барология – наука экспериментальная.

Место не из тех, куда обычно хожу. В своих барах я уже все биоритмы знаю, мне интересно чужие кардиограммы почитать.

Пошёл туда, где пиво недешёвое и музон типа модный. Где у завсегдатаев телефоны дороже, чем весь мой гардероб со шкарами. Ну да, кедам моим шесть лет уже.

Столики тут стерильные, как в манипуляционной. Сижу, боюсь запачкать.

Пиво распробовал – вкусное. Но пульс не нащупывается. Не нащупывается, думаю, воон из-за тех двух немолодых, подусталых и фактически некрасивых баб, что напротив. Может они и носили когда-то футболки Копн, но сейчас одеты во что-то жутко стильное, не разбираюсь.

Это они, тотально не бьютифул гёрлз, мешают установить диагноз. Хотя фолиевой кислоты им не занимать. Впрочем, под мейкапом не видно...

«Послушайте, – думаю, – если в мире существуют бары, где женщины подусталые и музон тупой – значит это кому-нибудь нужно?»

Не знаю, кому – в бизнесе не разбираюсь, – но о политике давайте не будем.

Плохой тут какой-то пульс, короче. Может, дефицит гемоглобина? Или сердцам завсегдатаев физических нагрузок не хватает? Фиг поймёшь.

Ну, с музоном вообще-то проблем нет – наушники-то на голове. Dead Ghosts, кажись, тогда слушал. Да и расфуфыренных красоток за другими столиками хватает, если что. Умру за горячую еблю. Шучу, не умру, я чисто пошупать пришёл.

«Значит, – думаю, – с баром всё ок. И значит, какая, икс, разница, дорогой бар или дешёвый? Если музыка всё равно своя. И если во всех барах своё кино крутят. И если за тяжёлым мейкапом и так ничего не видно».

Пива я напился, но пульс так и не нащупал. Не бывать мне фельдшером, и белого халата не видать.

Зато я кое-чему научился. Я понял, что бары – это то же самое, что бабы, только бары.

Вы заметили, что профессоров, доцентов и вообще старых ботанов не видно в городе? Их нет ни на набережных, ни в барах, ни в супермаркетах. Где они? Читают, прячутся, монографии строчат? Неужели они бывают только дома, в университете, в автомобиле и в отпуске? Похоже на то.

Я лишь один раз – случайно – встречал своего преподавателя в городе. Он был стар и пьян. Его нес другой преподаватель – уже немолодой тряпка, лузер, холостяк, сопля, подхалим, трус и тайный карьерист.

Они, лингвисты, учили меня оба. И оба мерзкие и нечеловечные. Но один – умище, а второй совсем не умище. Видели бы вы того второго. Тихий, аккуратный, серый, невыразительный, щуплый. Ужасная кофточка и выглядывающий под шеей советский галстук. Пальцы – белые волосатые книжные черви. Канцелярский крыс и недопидор.

Он бухал со стариком и затем носил того, чтоб лизать жопу. Дурак. Умище ж на другой день и так не помнил, кто и как лизал ему зад. Очевидно, тряпке, лузеру, подхалиму и трусу не приходили в голову никакие другие способы вылизывания полушарий лингвиста.

Они брели, шатаясь, по осеннему парку и шуршали листвой. Я курил на лавочке. Мне насрать – экзамены я у них уже давно подавал. Хоть и не с первого раза. И тот, что не умище, заметил меня. Пока я думал, обязательно ли здороваться, он отвернулся и сказал что-то старику. Тот никак не отреагировал, но через пять шагов остановился.

Старик был низким, но очень грузным. И он начал падать на щуплого. Уронить шефа и дать ему хороший шанс на инсульт – это, конечно, почти бинго. А если инсульт не получится?

Щуплый посмотрел на меня и сказал что-то. Я не расслышал, но было ясно, что он имеет в виду. Я улыбнулся – ситуация напомнила песню Beatles.

Help! I need somebody, Help! Not just anybody, Help! You know I need someone, Heeeelp!..

Щас я тебе help, тайная щуплая сопля.

Я подошёл и взял под руку профессора. Он был красным, будто потел кровью.

Шучу, нормальный он был, просто разнесло малёхо. Даже плащ чистый и шкары без мочевины. Гладко выбритый. Вот не понимаю я пьяниц, которые всегда гладко выбриты. Какое-то извращение. Чтоб, мол, никто не догадался, что они пьяницы. А по мне так аккуратно бритые бухари ещё больше бросаются в глаза, чем бородатые.

– Давайте его усадим, – говорю.

– Нет, нет, надо отнести его домой. Владимира Ивановича ждут дома.

– А где он живёт?

– Тут недалеко.

– А давайте его уроним для инсульта. И тогда вы станете завкафедрой, вместо него. А он в коме будет уютненько себе лежать, как в мавзолее.

Шучу, не говорил я этого. Я сказал «хорошо» и мы зашагали. Шуршали листвой, сопели и шагали.

«Help!», – думал я. Пел точнее. Внутри пел.

Квартира Владимира Ивановича была и правда недалеко, но шли мы туда долго – через каждые десять метров он хотел развернуться и мы, потев, боролись с ним за нужное нам направление. Хорошо, хоть этаж второй.

Тинейджерский способ сдачи пьяных друзей родителям – установить тело перед дверью, позвонить и убежать – в данном случае не подходил. Тайный карьерист ни за что бы не согласился.

Нам открыла высокая халатная тётя с тремя бородавками – на носу, лбу и подбородке. Ясно, почему Владимир Иванович не хотел идти домой.

При передаче тела мне пришлось сдержаться, чтоб не пошутить «распишитесь в получении». Уложили профессора на диван. Я думал, мы занесём его и разойдёмся – мавры вспотели, мавры могут идти. Но ужасная кофточка взялся на лежащем профессоре расстёгивать плащ и расшнуровывать ботинки. А мы с тётей стояли и смотрели. Хорошо хоть в ширинку ему не полез.

Боже, help! Я чувствовал себя суперидиотски.

Когда шкары Владимира Ивановича упали на пол, тётя неожиданно спокойным голосом спросила:

– Ну что, по 50?

– Конечно, спасибо, с удовольствием. А Beatles у вас дома есть?

Шучу, не говорил я этого. В ту минуту, имею в виду, не говорил. Я спросил о Beatles через часик, когда бутылка водки уже закончилась. Спросил, потому что песня «Help!» стала разъедать мне мозг и я должен был удовлетворить его требования.

– Битлз? – переспросил шуплый осмелевший трус. – Битлз – дурачки.

Нормальный ход. Я заинтересованно ждал, какую альтернативу Beatles предложит осмелевшая сопля, но он молчал. Бородавчатая тётя тоже молчала.

– А кто не дурачки?

Не шучу, я реально задал этот вопрос. Стало очень интересно, что же такого слушают тайные карьеристы. Неужели тропикалию или psychobilly?

– Фердинанд де Соссюр², к примеру, не дурак.

Нет, он не шутил. Не тот случай.

Так я и думал. Ну, не то чтоб осознанно думал, но был уверен, что файлик, запущенный в полушария мозга шуплого учёного труса, «привезёт» что-то именно такое.

– Видно, не судилось мне сегодня избавиться от этой песни.

– Какой песни? – спросила тётя.

– Песни про Фердинанда де Соссюра.

Я обулся и ушёл.

Боже мой, что творится в голове лингвиста, мечтающего об insulte Владимира Ивановича. Help, они там сумасшедшие все. Фердинанд де Соссюр, бля. Старые сумасшедшие ботаны.

² Фердинанд де Соссюр (1857–1913) – швейцарский лингвист, заложивший основы семиологии и структурной лингвистики, стоявший у истоков Женевской лингвистической школы. Идеи Фердинанда де Соссюра, которого часто называют «отцом» лингвистики XX века, оказали существенное влияние на гуманитарную мысль XX века в целом, вдохновив рождение структурализма.

Летняя майка. Прячась в тени от солнца, приятно будет вспоминать, что сейчас май, июнь, июль или август. Или даже сентябрь. А то летом все забывают о зиме. И ведут себя не совсем вежливо по отношению к погоде. Так, будто зимы никогда не было и не будет.

Будет зима, будет. И подусталые бабы будут, и бары будут, и кедам моим исполнится в этом году семь лет.

- Я придумал. Может, назовём T-Shirt Cafe?
- Не знаю. Хард Рок Кафе напоминает.
- Тогда T-Shirt Lab. Ну как мини-фотолаб типа.
- А может T-Shirt Раб?
- Почему раб?
- Ну раб это как типа бар, только раб.
- Иди в жопу.

Я настоял на названии «T-Shirtология».

– Очень длинное, – сказал Юра В., когда мы с ним вешали вывеску. – Пока клиент дочитает название, у него мороженое в руке растает.

– Пусть тает. На дверях не будет наклейки «сюда с мороженым запрещено».

– Да, у нас будет наклейка «weed friendly area».

– Конечно. А давай вообще назовём магазин «Бульбулятор». Народ повалит, как муравьи на чупа-чупс.

– Смейся, смейся. А почему именно T-Shirtология?

– Потому что T-Shirtология – это наука о том, как писать и читать футболки. Это я в журнале Vogue прочитал.

– Ты читаешь Vogue?

– А что читать, журнал «Идеи бизнеса»?

Бухал с Марселем. Дал ему пиво. Дал ему спички. Дал ему ручку. Дал ему бумажку. Дал ему позвонить. Затушил его бычок.

И всего этого он даже не заметил. Хорошо быть Марселем.

А через неделю я бухал уже не с ним, а с Яном. Забыв о зиме, мирно пили вкусное белое сухое на набережной. Смеркалось.

И тут позвонил Марсель. Мол, приходите к Паше в мастерскую, мы тут хорошо, камерно так со свечами сидим, потому что свет вырубили за неуплату.

Взяли ещё вина, зашли ко мне, хлопнули по стакану и захватили Panasonic на батарейках. Вошли в темноту мастерской буквально с танцами: Ian Dury, The Black Keys, Misfits и Desmond Dekker. И даже со старыми Iron Maiden и Ella Fitzgerald.

Все обрадовались, встали и опьянели прямо на глазах. И расстанцевались за пять минут.

А через шесть песен Марсель настойчиво стал просить у меня магнитофон. Который я, танцуя, держал на плече.

И я не дал. Пиво и спички – само собой. Ручка и бумажка – воще божественно. Но выпускать свою музыку из рук – тут я свою жадность побороть не смог.

Помыть машину, протереть лобовое стекло, вытрусить пепельницы, заправить бензином, включить AC&DC, а потом сесть на заднее сиденье и отдать руль другому – нет, это не про меня. Я жадный.

Даже если этот «другой» мой пьяный старый друг.

И всё-таки Марселем быть хорошо. Уж вы поверьте, я его знаю.

Люблю кататься на велосипеде. Это одно из лучших изобретений человечества. Выходит, продавцы велосипедов тоже одно из лучших изобретений.

Шапочно знакомый дядя Вова, у которого я купил свой велик, вообще-то не пьёт. Но ходит постоянно невесёлый. Высокий и невесёлый. Вижу его часто – он в соседнем доме живёт. И как-то, выбирая в его магазине новые тормоза, я полупошутил. У него там какая-то гайка никак не откручивалась и он расписовался.

– За что *мне* это всё?!

Видимо, он считал, что неудачи и трудности ему посылает судьба. Ему – одному.

I'm a loser baby, so why don't you kill me.

Я сказал:

– Так вы напейтесь уже как-то, что ли.

Оказалось, дядя Вова ждал этих слов. Он напился в тот же вечер.

Я ехал на своём Trek-е домой и дядя Вова остановил меня. Словил за руль и остановил:

– Вот посмотри – горный велосипед, да? Фирмовый. Ты купил и катаешься. А почему катаешься? Почему на горном? Потому что у друзей такие же. Или кто-то сказал, что супер. Или что я сказал. Что для наших дорог больше всего подходит. Ну, ок. Катаешься, значит, и заезжаешь в грязь, да? Представь, городское такое болотце. Три квадратных метра. И что? Крутишь педали и вырливаешь. Думаешь – это ж, бля, горный велик, что он – не сможет с мелкой бездорожной проблемкой справиться? Выехал и поехал дальше, к следующему болотцу... А что произошло?

– Что? Не знаю, – сказал я.

Дядя Вова поправил очки.

– Произошла практика веры. Таинство. Молитва. Превращение лужи в вино. Или болота в бисер. Брендочная, как сейчас говорят, молитва. Посмотри на велосипед. Его колёсам, звёздочкам и отражателям глубоко насрать, что их называли горным велосипедом. Им было бы насрать, даже если бы это назвали... эээ... пудингом из алоэ. Это – железяка, она или справляется с задачей или нет. А вот человеку почему-то не насрать. Человек верит в названия. Он никогда не купил бы велосипед, названный... эээ... «Aloe Vera Bike». Вырулить из болота тебе помогла вера в наклейку. В логотип. В цену велосипеда, в конце концов. Когда ты застрял, ты верил не в свои мускулы и опыт, нет. Ты верил в ярлык.

Никогда раньше дядя Вова не говорил так много слов за раз. Хороший я ему совет дал. Но он ещё не закончил.

– А если б ты попал в болото на детском велосипеде «Зайка»? Ты бы подумал «бля, на Зайке я тут не вырулю». И спрыгнул ногами в грязь. И запачкался. И стал бы «Зайку» толкать. Спасать «Зайчика» и себя. Эээ... как Мазай. В таких случаях помогает гипноз. Если б тебя, дорогой, загипнотизировали, что «Зайка» – это самый что ни на есть горный велик. Тогда бы ты вырулил. Потому что мы верим в сраные ярлыки. Мы поддаёмся их гипнозу. Каждый раз, попадая в болото, мы заглядываем ярлыкам глубоко в глаза. Надеемся на них. Ложимся под гипноз. Верим в плацебо.

Дядя Вова отрыгнул. В трезвом виде он бы никогда этого себе не позволил. А сейчас даже не заметил.

– Вот посмотри, как мало «весят» ярлыки программ на рабочем столе компьютера. Вот, скажем, фильм «Зайчик по кличке Пудинг» – большой, длинный, – а ярлык его весит полсопли. Видел этот фильм?

– Нет.

– Хаха. Шучу, нет такого фильма... Короче, на всё вешают ярлыки. Даже грабители – забегают в банк с пистолетами и кричат: это ограбление! Чтоб всем было понятно, что это не зайчики на маскараде. А то если грабители не скажут – могут неправильно понять. И может

даже денег не дадут. И грабители погибнут. А с ярлыком всё ясно. Потому что даже пенсионеры видели фильмы про ограбления банков. И всем ясно, что делать. Гони бабло, бля!

И дядя Вова засмеялся. По лицу было видно, что «смеятельным» морщинам непривычен его смех – он ими нечасто пользовался.

Я был рад за него. И обязательно посоветую ему ещё чего-то интересного. Хороший же человек – пусть смеётся.

Платон, конечно, мой друг, а истина дороже и всё такое. Но подарки на дни рождения он всегда выбирал какие-то странные.

Помню, однажды он подарил мне такую вот футболку →

Так и было написано: не «немой», а «не мой», раздельно.

Я, естественно, сделал вид, что мне понравилось и всё такое. Но, скажу вам, дядя он был себе на уме.

Это ↑, чуть шо, была цитата из «Политики» Аристотеля, если кто не читал.

Как видите, с подарками на день рождения были проблемы ещё у древних греков.

Это история о том, как Марсель фотографии мне показывал.

Нет, не подумайте ничего плохого, нормальные фотографии – про Лондон. Но рассказывать тут лучше не с конца, а с начала.

Поехал Марсель в столицу Англии. Инглиш он знал хорошо, поселился со знакомыми эмигрантками и даже нашёл работу – барменом в древнем лондонском бридж-клубе. Кроме наливать и стаканы мыть, в обязанности Марселя входило следить за карточным обеспечением столов – тасовать и складывать карточные колоды, помогать если что и всё такое. Завсегдатаи там были старые, капризные и крепко пьющие – потому Марсель уставал нешуточно. И после работы он по дороге домой выпивал бутылочку пива – каждый вечер.

Шёл он как-то с пивом в руке и пристал к нему негр. Очень большой и очень чёрный негр, которому позарез нужен был один фунт стерлинга. Нет, негр не угрожал и не грабил, просто очень просил. Да и Марсель не из трусливых, скорее из сочувствующих – и потому фунт он негру дал. Чёрный человек очень обрадовался и, как неубитая лесная мышка из сказки, произнес:

– Ты со мной по-человечески обошёлся, и я хочу тебя отблагодарить. Давай, короче, курнём. У меня есть классная трава.

В общем, они курнули по две тяги прямо на улице, пожали друг другу руки и разошлись. Пришёл Марс домой, заглянул в пустой холодильник и уселся телевизор смотреть, один – roommates отсутствовали.

Стал Марсель клацать дистанционкой и, в отличие от других вечеров, на всех каналах тогда шли очень интересные передачи. Ну просто не оторваться. Но переключать-то всё равно хочется – а на другом канале, оказывается, тоже показывали что-то зверски интересное. И на третьем интересное, и на четвёртом. А на пятом Марсель понял, что забыл, о чём таком увлекательном шла речь на первом канале. Вернулся обратно – а там даже ещё интереснее, чем пять минут назад. Или десять? Марс понял, что начинает запутываться. И что, скорее всего, завтра совсем забудет, что было такого интересного на всех этих каналах. И пришла ему идея. Он приготовил фотоаппарат – обычную такую плёночную мыльницу – и стал снимать. Систематически фотографировал все передачи: один канал – щёлк, второй канал – щёлк, третий. Каналов на том телеке, слава богу, было всего девять, так что плёнки хватило.

Вернулся Марсель из Лондона. Года и трёх месяцев хватило, чтоб понять – дома если и не лучше, то, во всяком случае, и не хуже. И как-то говорю я Марселю – покажи фотки. Мне тогда казалось, если человек прожил в Англии более года, у него должны быть фотографии.

Да, но не в случае Марселя. Он протянул мне стопку из десяти фотографий. Первая – джунгли на экране телевизора. На второй – война по телевизору. На третьей – диктор говорит что-то очень интересное. На четвёртой – большая сцена с малюсенькими музыкантами, даже не узнать, кто это. И лишь на десятой был сам Марсель. На лондонской улице с пакетом в руке.

– Это мне Крис подарил, финн, классный чувак. Он меня сфоткал возле книжного магазина, где я после бридж-клуба работал.

А фотку про джунгли я себе выпросил. На память. Марсель не жадный и фотку подарил. Когда гости видят её у меня, всегда спрашивают: а что это? Ну и я рассказываю им про один фунт, негра и телепередачи.

Хорошо, что у Марса не было под рукой видеорекордера. Бумажные фотографии намного интереснее.

Лучше уж ни с кем не дружить.

Собаки полезнее – они хоть и туповато-умные, но хорошие. Они не понижают твоего IQ и помогают бороться с гиподинамией.

Одиночество, конечно же, не фунт травы и не коробок витаминов. Но дружба с дураками научит лишь одному – ничему не научит. Даже если они тешат твоё самолюбие звонками по три раза в день.

А время? Усратья странная это штука – время. Иногда за месяц случается столько всего, что за год не расскажешь. А бывает и за двадцать лет ничего не происходит.

Я посвятил дурням года два.

Ну не совсем аж посвятил, как медбратом в школе для дебилов отработал, но всё же. Да и, может, не совсем они дураки были – просто застряли в своём sweet sixteen. Я с ними водку пил и кассеты записывал. Поддавался влиянию их системы ценностей и отставал с развитием своей. Среда – штука серьёзная. Не менее серьёзная, чем вторник.

Прожив лет десять без дураков, я понял, что развивался тогда медленнее, чем мог. Частично из-за них. Они не были плохими или корыстными, всего лишь без запросов. Музон, пиво, тёлки, деньги, хаха – прыщавое узколобие чистой воды.

Видел на чужих примерах – те, кто попал в разностороннее и головой хоть немного выше среднего окружение – развивались быстрее, чем я.

Усратья странно вспоминать времена, когда я был Другом Дураков.

Не делай, чего не хочешь. Занимайся тем, что любишь. Изучай то, что интересно. Спи с теми, кто нравится.

Это любой родитель своему дитю скажет. А дитё кивнёт – мол, да, понимаю.

– Хорошо, папа, я всегда буду носить с собой презервативы.

Но это не так легко, как кажется – носить презервативы. Желательно ещё не дать им потрескаться от старости.

– Вот посмотри, сынок. Ты какую музыку слушаешь? Ту, которую любишь, правда? Слушать то, от чего тошнит – это ж самая дебильная подача на свете. Такого даже Jesus Christ не делал.

Представь, что ты работаешь в офисе, где всегда звучит только любимая музыка шефа. Народная музыка эквадорских индейцев, допустим. Другая типа не поощряется. Сколько ты там выдержишь? Уж точно не больше, чем Вождь в гнезде кукушки.

Короче, рисуй на двери шефа большой твёрдый эквадорский банан и вали оттуда. Страдать даже за деньги не стоит. Это никому не нужно. Кроме шефа.

А с говном всё элементарно – просто не ешь говно и всё. Не надо его есть.

Вы тоже их видели?

Да, я понимаю, футболка – она как бумага, она всё стерпит. Но вы понимаете, почему девчонка, не взрослая ещё, но уже с сиськами, живущая в панельном доме или хрущёвке, носит майку «London»?

Или почему полупрыщавый чувак, явно не равнодушный к своей внешности, носит майку «New York»?

Что они бля хотят этим сказать? Они что, рекламируют мегаполисы? Или наивно врут, что побывали там? Или им тупо нравится, как звучат легендарные слова? Или они мечтают пополнить ряды эмигрантов?

Тогда почему бы им не заявить и об остальных своих мечтах?

Хочу миллион бабла.

Мечтаю о любви с Дашей со второго курса.

Тысяча и один joint.

Шкаф-купе, забитый платьями от Fashion&Week.

Красный порше, фаршированный тёлками.

Цистерна немецкого пива каждую пятницу.

Тысяча блоков безвредного мальборо.

Волшебная палочка со встроенным айфоном.

Тазик бесхолестериновых пельменей каждый вечер.

Семнадцатикомнатная квартира с бассейном ослиного молока в центре города. Плюс две кофеварки Krups с автоматической декальцинацией.

Или не знаю, о чём там ещё мечтают молодые люди.

«London» и «New York», написанные на груди человека – хочет он того или нет, – сообщают о нём кое-какую инфу. Даже если человек об этом и не догадывается.

Помню, лет в 13–14, перед сном, я мечтал, чтоб все-все мои друзья жили в одном доме. И чтоб все девушки, которые мне нравятся, тоже там жили. И чтоб все ходили друг к другу в гости и было весело. Обычно во время перечисления тех, кто будет жить в этом прекрасном доме, я засыпал.

Утром, приходя в школу, я смотрел на одноклассниц – а надо сказать, красавиц у нас в классе хватало – и, если одна из них относилась ко мне не так хорошо, как хотелось, я еле сдерживался, чтоб не сказать:

– Я ж тебя, сука, в самом лучшем доме города поселил, вместе со всеми нами, а ты...

Он увидел на полке «Робинзона Крузо» и хотел взять. Но один мальчик опередил его и схватил первым. Подрались. Книга досталась Марселю.

Хорошо, что мы не подрались с ним из-за магнитофона. Несомненно – Panasonic достался бы ему. Он ведь на дзюдо ходил. На дзюдо, на лыжи, на фортепиано, в библиотеку и на авиамодельный кружок. Разносторонний, сука. И с дураками Марсель тоже не дружил. Баловень судьбы, короче.

У вас случается немотивированный рвотный рефлекс?

Ни с того, ни с сего, обычнейшим утром. Ещё неактивированным мозгом вдруг вспоминаешь, что рвотный рефлекс *существует*. Что хватает одного лишь приближения щётки к зубам мудрости. И можешь хоть сто раз внушать себе, что зубная щётка – это не два пальца, рефлексу плевать.

До собственно рвоты не доходит, но зубы остаются нечищеными.

На следующее утро зеркало в ванной напоминает о вчерашнем рефлексе и всё повторяется. И так неделями. Хотя если чудом удаётся подумать о хрустальных бокалах, рефлекс отступает.

Любовный треугольник мысль-щётка-рефлекс был моим первым личным опытом, научно доказывающим, что всё находится в голове. Как и цепочка слабых звеньев, ведущая от «иностранки» до красивых ног двоюродной сестры.

Вторым научным доказательством стал кухонный кран. Раньше он стоял нормально: красный вентиль – горячая вода, синий – холодная. При переселении на другую квартиру его установили наоборот. Горячая вода посинела, холодная покраснела. Мини-переворот сознания.

Я думал, запомню и привыкну.

Но случилось не совсем так. Мозг не хотел зубрить новое правило: «то, что раньше было горячим, сейчас холодное».

Он, без моего разрешения, самостоятельно подогнал цветные ярлыки под температуру воды. И выстроил этому типа логичное объяснение. Моим кухонным рефлексам извращённая цветовая раскладка вскоре показалось абсолютно естественной. Я перестал ошибаться.

Сейчас, обезвреживая бомбу, я уже точно не перепутаю синий проводок с красным.

Зубная щётка, рефлекс, кран, вода и цветные пимпочки на вентилях. Далеко не полный, даже фантастически скромный перечень того, что вмещается в простой человеческой голове.

А ноги сестры помнятся уже смутно. Слишком давно я их не видел. Даже не вспомню, которая из них нравилась больше. Женские ноги, левая и правая, далеко не одинаковые по красоте, точно знаю. Хотя этому нет научных доказательств.

Кажется, в ночном клубе «Извилина» опять тусня. Надеюсь, родственников там сегодня будет не слишком много.

Интересно, каково это – шататься пьяным в спортивном костюме? Не шляться-тусоваться, а именно шататься – когда вестибулярка барахлит.

Никогда не пил в спортивном костюме. Голым, в пальто, в плавках, в школьной форме, в платье, в парике, в маске пьяным был, а в спортивном костюме не довелось. Хочется верить, во всяком случае.

А ведь, наверное, удобно. Чувствуешь себя полубогом – движения полны свободы, силы и куража. И танцевать с мафоном на плече удобно.

Так что не совсем понятно: почему это спортивный костюм есть, а пьяного костюма нет? Почему это для спорта придумали миллионы удобных придамбасов, а для пьянства – нет?

Да и какие там у пьянства придамбасы – стаканы, бутылки, штопоры, дозаторы, бармены, огурцы. Раз-два и обчёлся. Нечестно. Дискриминация по признаку здоровья. Пьяных

людей же намного намного намного намного больше, чем спортсменов. Чем молодых спортсменов, старых спортсменов, усталых спортсменов, бывших спортсменов и даже укурённых спортсменов. Если честно математически подсчитать – то в любой момент времени суток на планете живых нетрезвых людей значительно больше, чем живых и даже мёртвых спортсменов. Не учитывая, занимаются ли они в этот самый момент спортом и мучает ли их крепатура. А если уж совсем точно – каждую минуту 0,7 процентов населения планеты пьяны, Google подсказал. Это, на секундочку, сорок девять миллионов человек.

Так что насчёт алкоспортивки дизайнеры затупили. И модельеры с лёгкими промышленниками затупили. Выгоды своей не понимают. Людям нечего надеть, не в чём пива попить.

Хотя вот кажется мне, что если специальный алкостюм появится завтра в магазинах, он будет чем-то напоминать спортивный. Задачи ж у них одни и те же – чтоб удобно, чтоб не рвался при резких движениях, чтоб хранил тепло во сне и давал дышать телу.

Бля, да это ж адидас получается.

Вы любите продавцов? Вы знаете, зачем они нужны? Продавать, конечно. А мы, соответственно, нужны, чтобы покупать, да.

Но почему мы не можем прийти, взять нужный товар – без продавца – и оставить в кассе деньги, сколько нужно? Я серьёзно. Ну, почти серьёзно.

Потому что человек человеку и, тем более, магазину – вор. Вор с большой буквы. Он возьмёт гору салами и икры, а денег не оставит. И выпотрошит кассу до копейки. Вместе со жвачками. Особо вместительные воры нажмутся вдобавок мартини, виски и чипсов «Pringles». И насрут в холодильник с мороженым. Или в ящик с эквадорскими бананами. Драться воры тоже будут – как мальчики в библиотеке.

Вот для того и нужен продавец, чтоб всего этого мы, покупатели, не сделали. Как только исчезнут все-все-все продавцы мира, в тот же день начнётся война. Война Воров. Вор War. Во всех странах одновременно. Ну, кроме скандинавских разве что.

И владельцы магазинов это прекрасно знают. А посему наличие продавца – это прямой намёк на глубокую неискоренимую порочность человечества. На мою и на вашу. «Я здесь, потому что ты вор и без меня насышь в дырки в швейцарском сыре».

Продавцы таким образом вносят посильную лепту в спасение мира. Хотя никто из них и не догадывается об этом. Считается, что мир спасают Bruce Willis и James Bond. Которых придумали, чтоб покупателям и продавцам лапшу на уши вешать.

Хитрые голливудские буржуи. Сами бы посидели за кассой восемь часов.

Скромная майка, некоммерческая – кто такую купит? Такие-же-как-все об этом не заявляют.

А вот у художника Саши У. сложилось иначе. Настоящий или полунастоящий художник Саша У. начал рисовать с чётко заявленной позиции – я не такой, как все. Он этого, конечно же, не кричал – даже, наоборот, молчал подчёркнуто об этом. Но оно у Саши угадывалось. Даже если не бросалось в глаза. Ну, в пьяном виде, конечно, у Саши У. тоже бывали приступы величия – с кем не бывает, ничто человеческое художникам не чуждо. Иногда до крови из носа не чуждо.

А вот около сорока – если Саша У. ещё не умер (а он не умер) – у него сдали немножечко нервы. Работа такая – нехватка витаминов группы В, бардак в мастерской, семейные сложности, art-обиды и прочие художественные проблемы. И уже мало, мало быть не таким, как все.захотелось Саше большего. Имею право типа. А кому не хочется?

Саша У. в сорок два года захотел за «не-такой-как-все» бонусов наконец каких-то заполучить. Ну хотя бы денег. Охотник желает знать, где сидит фазан, а Саша возжелал узнать, где дают бабло. Он хотел этого и раньше, но если денег не было, умел махать на бабло рукой. Курил дешёвые сигареты, пил невкусное вино, ел макароны и чай. Художник должен всё это уметь. Без этого никак. Входит в контракт. All inclusive типа.

Но быть не-таким-как-все трудно. Это ж надо делать годами. Ответственность типа. Осведомлённость. Особенность. Опыт. Опьянение. Остроумие. Откровение. Обострение. Одышка. Ну и прочие художественные оттенки.

А вот когда деньги к Саше У. поплыли рекой или хотя бы ручейком – тогда стало можно. Всё можно. И таким быть, и не таким. Можно быть или стать даже совсем обычным – худза-чётка-то уже работает на Сашу. Ему уже и так никто не поверит, что обычный. Ему уже можно просто молчать. А для тех, кто не в курсе – аксессуарчик намёком на теле висит. Или на голове. Не важно где и как. Но – маленький аксессуарчик, чтоб ни в коем случае не переборщить. Фантастически скромный почти аксессуарчик. Тихо намекающий на Сашины заслуги в прошлом. На макароны с чаем и на художественное хулиганство былое.

А кому легко?

Ах, если б не было алкоголя... Ни пива, ни водки, ничего. Чистота и порядок.

Вот влюблённые – как бы они произносили заветные слова? Даже без белого сухого, совсем-совсем трезвыми. Шёпотом на ушко, да? В двадцать первом веке? Не смешите мои любовные воспоминания. Это после аушвица-то и South park-а? После гугла и гей-парадов? На трезвую голову? Да бросьте.

А откуда бы брались дети? Возврат к старым добрым аисту с капустой? Пробирочки и клоны? Да, щас. Назад дороги нет – залёт по пьяни как способ размножения уже никакой санта-клаус не отменит.

Вот чего было бы значительно больше, так это индейцев и эскимосов. Торжество безалкогольной справедливости. А то неудобно как-то – понаехали белые алкаши и давай поить незрелых наивных детей исторического процесса в их собственном доме. Чуть ли не алкопедофилия, извините за выражение.

А вот рок`н`ролл-а было б меньше. И групп, и альбомов, и музыкантов, и даже панасо-ников. Кто б этот адский рок`н`ролл слушал – ботаники со спортсменами? Да, щас. Плюс при-хожане с сиротами, конечно. Rock`n`roll нужен лишь троечникам и пьяницам. А может, его, рок`н`roll, без бухла даже б и не придумали.

А возможно, и тебя бы не было.

И Саши У. бы не было.

И меня, и её, и его.

И, скорее всего, сигарет бы тоже не было. Даже ментоловых.

И танцевать бы я так и не научился.

Приходит уставший Иосиф Виссарионович домой и садится жрать. Садится – а на столе ничего. Смотрит – а в холодильнике пусто. Заглядывает в кухонную мебель – а там только

пачка старого недоеденного печенья «Тис». Ладно, думает Сталин. Выпивает стакан воды и идёт слушать музыку. Надевает наушники и слушает, чего он вчера ночью с инета накачал.

Включил сначала группу «Wacon, Bananas & Bread». Первая песня вроде ничего, но следующие пять – как жёлтое дерьмо с жирными прожилками. Данунах. Сталин удаляет весь альбом.

Дальше – «See You Next Feeck». Первая песня хоть и называется Next Fuck, но размазня полная – будто плюшевый крот трахает плюшевую божью коровку. А после двадцати секунд второй песни Сталину понятно – delete.

Следующая банда. «Dear Sir Or Madam». Начало обнадеживает. Хотя немного затянуто. Что? Иосиф Виссарионович смотрит на список произведений – самая короткая песня длится 5 минут 34 секунды. А остальные по 6, 7 и даже 9 минут. Сталин перескакивает на «короткую» вещь и через полминуты нервно удаляет весь альбом.

Так, смотрим дальше. «Field Hospital». Очень жёсткие. Сталин доволен. Вторая вещь тоже хороша. И третья. А вот после пятой они что-то начали кашу варить. Сами в ней завязли, как в окопных трупах, да ещё и слушателей за собой нороят увлечь. Ладно, первые четыре песни оставляю, остальные в жопу.

Что там у нас ещё? «Ox and Oxugen». Но, нажав play, Сталин почувствовал новый приступ голода и музыку просто не услышал. Глубоко вздохнул и подумал: лучше бы кусочек этого окса был у меня в духовке, а не в player-e.

И тогда он написал Кагановичу имейл.

«Надо разобраться. Пройдись по музыкальным сайтам – по моим любимым, и настоятельно сообщи, чтоб херню не выставляли. Я уже кучу времени на них просрал. А те сайты, где эквадорских индейцев выставляют – вообще позакрывай, пусть идут на радио полы мыть. Поясни им музметод товарища Сталина. Если обложка не нравится – вытираю нахер. Если не доверяю группе – нахер. Если не в настроении – нахер. Если название дурацкое или не отвечает жанру – не знаю, надо подумать, но на всякий случай – нахер. Если слишком длинная первая песня – то же самое. Если слишком уж заумно выебуются – в жопу. Если пидарасы – даже не включаю. Если бабы – сразу половину песен в жопу. Типа две сиськи разделить на два))) Если умничают и стишки бормочут – капут, удаляю прямо с сайта. Об узконациональных всяких группах сам додумаешь. Понятно тебе? Скажи им, я люблю, чтоб коротко, быстро и жёстко. Musik Macht Frei))) Всё. Потом доложишь.

ЗЫ. Новое что скачал?»

Такая футболка вполне могла бы занять достойное место в шкафу представителей золотой молодёжи. TrueЪ представителей. Открываем шкафчик – красота:

слева скелетик, справа адидас,

а посередине футболочка о наркотиках.

Юра В. затыкнулся и сказал:

– Иногда – и вначале и даже долго после знакомства – женщины кажутся интересными и полными скрытого смысла. Даже глубины. Типа как фисташка, у которой скорлупа треснута лишь на полмиллиметра. Но рано или поздно ты её обязательно раскрываешь, эту женщину-фисташку. Смотришь, а она примитивна, как соседка по лестничной клетке.

Люблю, когда Юра В. умничает на бабские темы. Но только я приготовился послушать интересности о приключениях на лестничной клетке, с баб он перешёл на бабушек.

– Позавчера соседка сверху умерла, старенькая уже. И знаешь, мы скидывались в доме на венок и я как-то впечатлился. Курю на балконе и думаю: а что, если б мы не умирали? Никто вообще.

– Ну да, классно. На венок бы не пришлось скидываться.

– Подожди. Знаешь, фигня выходит. Я вот представил, что живу пятьсот лет типа. Как горец. Не, лажа получается. Бесконечная и бессмертная жизнь это абсурд и бессмысленность. Такой же, бля, абсурд и бессмысленность, как эта вот наша настоящая жизнь, когда все умирают.

– Да... А что, людей на похоронах много было?

Кстати, знакомьтесь – Юра В., брат Саши У. Да, родной. Один из них поменял фамилию с В. на У. Но, сорри, я обещал никому не говорить, кто.

Скромная майка, некоммерческая – кто такую купит? Те, кто лучше всех, об этом не заявляют. Даже наоборот, молчат подчёркнуто об этом.

Занесло недавно на не помню уже какой концерт. Кажется, разные молодые группы играли по несколько песен.

Перед сценой в рядах потной молодёжи талантливо танцевала зверски красивая чувиха. Ну вообще зверски зверски зверски. Бывают такие. В таких Юра В. и Саша У. постоянно влюбляются. А потом страдают, пьют и осуждают за примитивность. Да что греха таить, я и сам в таких сто раз влюблялся.

Я наблюдал за красавицей на протяжении двух сигарет. Стойко ощущал полуэстетическое и полуэротическое наслаждение. Чисто концертная смесь такая.

А потом она ушла. Зверски, должен признаться, ушла. И я ничего не мог с этим поделать – задница у неё просто смысл жизни, а не задница. Я смотрел ей вслед и думал: « Боже, как она прекрасна. Она настолько тупо прекрасна, что через десять лет или станет толстой женой адвоката, или умрёт от наркотиков. Что в некотором смысле одно и то же».

И знаете, наркотикам, как веществу, проникающему в глубь организма красавиц, я может немножечко и завидую, а вот адвокатам, проникающим туда же, совсем не завидую.

Берегите себя, красавицы! Пожалуйста! Адвокаты и наркотики не спят!

Иду в магазин купить еды и алкоголя. Даже не в магазин, а типа супермаркет.

Разглядываю полки с водкой. Нет, не любовно. Любовь прошла давно.

Подходит пацан, лет девятнадцати. Из тех, шо в дурацкой униформе околачиваются возле стеллажей с бухлом и внедряют напитки. И спрашивает:

– Вам помочь? Вы водку хотите выбрать? Можно вам предложить?..

Смотрю на него.

Что ты знаешь о водке, думаю.

Шёл бы лучше в дилеры. Золотой молодёжи дорожки в туалете рубить. Прибыльнее.

Молча беру 0,7. «Белая обычная», последний раз вроде нормально шла. И ухожу. Не по-ковбойски ухожу, просто, спокойно. У меня по-ковбойски никогда не получалось.

Что за идиот вообще придумал этот способ внедрения алкоголя? Пьющие люди ж давления не приемлют. Они для того и покупают бутылки с жидкостями, чтоб от давления избавиться.

Стою на кассе, вспоминаю. Как на дне рождения Яна в 1996 году купили ночью на базаре три бутылки водки. «Пшеничную» типа. Дошли до мастерской и там заметили на дне одной из бутылок волосы и осколки стекла. Решили не пить. Естественно.

А через час процедили водку в кружку через носовой платок и выпили. Естественно.

Понятно, это его работа и ему насрать на водку. Но какого хрена прыщавый мальчик с работодателем делают вид, будто знают о водке больше остальных? Пьющие фальшь с одного взгляда чувствуют. Неужели не очевидно, что мальчику не поверят? Особенно те, кому водочку платочком процедить – раз плюнуть. А таких много. На них вся спиртовая промышленность держится. На тех, что без носового платка из дому не выходят.

А пил ли мальчик-то?

Вот если б у него от фильтрованной и нефильтрованной водки парочка друзей умерла. И сам он две тысячи раз проснулся полумёртвым. Тогда б он вопросы дурацкие не задавал.

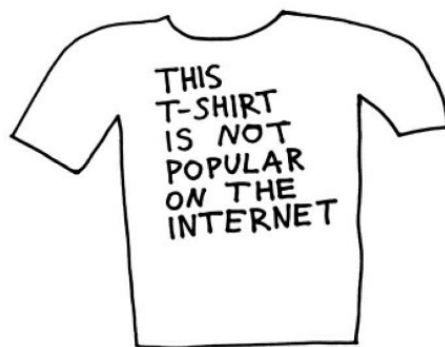
Ты ещё скажи, я себе вот такую купил и нощу пью уже три года.

Агент 0,7 бля.

Но полумёртвые в супермаркет не устраиваются. Чтоб водку людям внедрять. Полумёртвые-2000, они...

Точнее, полуожившие, они... Нет, не знаю, что делают полуожившие. Молчат подчёркнуто в платочек.

Кен ай хелп ю, блять. No, you can not, сука.

Такую майку сделал в материале. И себе, и для магазина.

Если она всё-таки станет когда-то популярной, линейку коллекции можно будет продолжить. This T-Shirt Is Popular On The Internet.

Посмотрим. Пути интернета неисповедимы.

Недавно догадался, что давать советы – это ужасно и безрезультатно. Регулярно удивляюсь своей наивности.

Ты, с высоты – или с низовья – своего опыта и по доброте душевной советуешь человеку поступить так-то и так-то. Не кушать говно, к примеру.

Ок. Если он послушается, то никогда не поймёт ценности совета. Ему покажется, что так и должно было случиться. «Я так и думал» типа.

Если же проигнорирует – а советы обычно игнорируют – и всё пойдёт плохо, то есть в некотором смысле кусочек говна человек всё-таки съест, то может рассердиться.

Тот неловкий момент, когда плохой результат укажет на его недалёковидность и некоторое узколюбие. Причём такие недалёковидность и узколюбие, которые были тебе видны и раньше, со стороны.

Сейчас я уже ничего не советую на скользкие темы. Если спрашивают, говорю:

– Плюнь.

Или:

– Глянь в интернете.

Зачем лишняя ответственность? Плевкам и интернету ж доверяют обычно больше, чем вам.

Вот с этим интернетом, бля, такое в жизни и в музыке творится, что...

Скачал, скажем, незаконно два-три свеженьких альбома и взял в город, для ознакомления. Пиратский вечер с хорошими группами. Например, недавно вот скачал King Darves-a – singer-songwriter такой. И не заумный, и не пидарас, и не баба, и песни не слишком длинные.

Пил, слушал, курил, ходил.

.....

А через часов пять идёшь домой, пьяный неуклюжий по лужам, в наушниках, дошёл до двери, нашёл ключ, открыл, в шнурках запутался, разбросал вещи куда надо. Возишься, короче.

А тем временем King Darves в ушах играет, под конец и до него руки дошли, первые две песни вроде супер, но на третьей врубаешься, что тебе надо обязательно чего-то закинуть, имею в виду покушать, пьяный аппетит и прочее, и ты *выключаешь* его. Живого singer-а и поющего songwriter-а тупо выключаешь – как фен для волос. И эмпэтройку куда-то аккуратно кладёшь, ведь эмпэтройка это тебе не штаны или там бутылка недопитой минералки.

Напрягаешь мозги, ту их часть, что за жарчку отвечают, и идёшь на кухню, и садишься, и встаёшь, шесть раз открываешь холодильник, садишься, встаёшь, ищешь нож, садишься, режешь, встаёшь, берёшь соль, короче, мутишь себе что-то кушать.

А он, King Darves, нормальный такой чувак, искренний, в это время сидит себе в твоей маленькой никчёмной эмпэтройке и терпеливо – респект ему – сидит и, бедняга, ждёт, когда ты снова его врубишь. Соизволишь, бля. Ты жуёшь, свинья, а он честно ждёт, когда тебе снова взбредёт в город прошвырнуться. Ты поел и лёг спать, а он дальше ждёт, как влюблённый в стерву шестнадцатилетний пацан.

Разве это справедливо? Разве честно?

Нет, нет и never нет!

Вот тебе и интернет!

Вечером в городе этот призыв может прозвучать несколько провокативно. Особенно на женском теле. А вот на фестивалях приключения возможны, и даже, в некоторых ситуациях, гарантированы. Это тебе не романтичная «I love фисташки». И не прогноз погоды «Winter Is Over».

Как говорят продавщицы, пытающиеся втюхать свой товар:

– Я себе тоже такую купила и ношу уже три года.

А через минуту, не сдержавшись, со вздохом добавляют:

– Прошлым летом в Хорватии её носила. И отдохнула, и с иностранцами познакоми-лась...

Не стоит пить с долбоёбами. Может, вы уже давно об этом знаете. А я не знал.

Не знал и наивно сидел в ресторане. Зимой. Один. Второе пиво начал. Всё получалось хорошо. Настроение не рай. Но и не приём стеклотары в восемь утра.

И тут заходят двое. Ну, может, не совсем долбоёбы, но близко. Ещё годика три перед телевизором посидеть, на пять процентов чуть-чуть поддеградировать – и будут вполне обычные полноценные такие добрые долбоёбы. С одним я даже знаком откуда-то, не помню, с кем не бывает, но чисто на базовом, слава богу, уровне – привет-пока.

Они, в общем, осмотрелись, мест особо не было, а я сам за пятиместным столом сидел. И спросили, можно ли подсесть.

Я не смог отказать. Сраная вежливость.

Ладно, если что, у меня блокнотик есть, сделаю вид, что статью типа пишу.

Они заказали пива и стали общаться. Один высокий, толстый, в пуховой курточке и очень самоуверенный – будто ему ни остеохондроз, ни геморрой не грозит и можно даже пешком не ходить. Из тех, что в холодильник с мороженым насрали бы при первой же возможности. А второй – чёрненький такой, безобидный улыбчивый и недалёкий простой чувачок. Пьют и болтают.

И знаете о чём они – с интересом, в ресторане, с пивом в руках – говорили? Об автономном отоплении, блядь. Диаметр медных и немедных труб, немецкие и немецкие радиаторы, цены и котлы. Целый час.

Я хоть и сделал вид, что смотрю в потолок и пишу, но слаб на тему постороннего влияния. Не смог дистанцироваться от их тематики. Прямо в мозг мне своими трубами и котлами залезли. Долбоёбы это вам не singer там какой-то, выключил на третьей песне и жрать пошёл.

Короче, автономные долбаки разрушили моё неавтономное настроение.

Максимум, на что меня хватило – в блокнот эти самые слова, что вы сейчас читаете, записать.

Но мне не жалко. Настроение – дело наживное.

Хотя пить с долбоёбами это всё же не зона комфорта. Тем более пиво. С ними лучше пить водку. В подъезде ноябрьским вечером. Без запивона. Поплёвывая на кафель. Более органично. И настроение никто никому не разрушит. Когда пьёшь в подъезде водку – настроение становится неуязвимым.

Юра В. позвонил мне ещё в октябре:

– Мы будем делать деньги! Слышишь? Я всё продумал.

– Что? Какие деньги?

– Какие-какие... Бумажные. Капусту, лавэ, финансы, романсы, мани-мани. Что непонятно?

– Шо, опять? Знаю я твою капусту. Ты лучше мой DVD-плеер отдай, уже месяц несёшь.

– Чувак, заткнись. Я придумал золотую жилу. Короче, сейчас приеду... И на хрена тебе воше плеер, у тебя интернет есть. Я вчера смотрел охеренный фильм...

– Потом расскажешь, я оmlет делаю.

– Ок, я скоро...

Когда-то кличка Юры была Говно. Но она перестала нравиться ему ещё в двадцатом веке. Хотя фамилию, как и юношескую кличку, он старается не озвучивать.

Юра В. уже не раз звонил, сидя на толстых золотых жилах. Ему если пришла идея – всё, валит напролом, как пьяный skinhead, родившийся под знаком Овна. Хотя сам Водолей.

Говно Юра никогда не звонит в дверь, не разувается, а вместо приветствия говорит «чувак».

– Чувак, посмотри на себя.

– Что, нос красный? Ну насморк у меня, ну и что?

– Смотри, на тебе золотая жила и есть.

– А на тебе пума в прыжке нарисована.

– Дурак. При чём здесь... Я про майку твою. Это ж бабло чистой воды.

– Бабло чистой воды? А я думал, это стопроцентный коттон.

– Ты клёвый чувак, но дурак.

Как для пьяного скинхеда, он ещё мягко выражается.

Идут по романтической набережной молодые люди в классическом составе: один Он плюс две Она. Они – подружки. Его явно интересует лишь одна. И с той, что его интересует, у них ещё ничо не было. Даже букетно-конфетный период ещё не начался. Максимум – вчера осознал ложечкой и заподозрил нервными окончаниями, что его к ней тянет.

Ну а подружек две, потому что все стесняются всех. Боятся оставаться с глазу на глаз. Тогда уже просто так не похихикаешь – придётся что-то решать. А если знакомые увидят вдвоём – слухи пойдут. Да и подруги ещё не определили, что и от кого конкретно ему надо.

Словом, чувак пока не решается занять однозначную ухажёрскую дислокацию, а подруги с готовностью включают дурочек. Играют в «мы-просто-знакомые-вышли-вот-прогуляться-вместе». Так легче поддерживать разговор, по-девичьи обниматься и хвататься за животы от хохота над упавшим с дерева листиком. И легче не допускать перехода болтовни на тему проявления симпатий и прочих околюбобных «глупостей», которые, впрочем, волнуют их больше, чем чипсы с *odnoklassniki.ru*, хотя они не признались бы в этом даже самим себе.

Не хотел бы я оказаться на месте чувака. Всегда чувствую себя идиотски в тройственных ситуациях. Или это двойственная? Вечно путаюсь в любовной терминологии.

Через неделю второй лишней подруги уже нет. Он выбрал ту, что улыбается чаще. Правильно. Они определились и легализовали свои чувства. Сидят вдвоём на лавочке и целуются.

Всегда чувствую себя идиотски, когда смотрю на целующихся.

Ладно, хватит пялиться, пора домой. Что там у нас, King Darves? Пшёл! То есть – play!

На небольшом местном фестивальчике меня словили менты. В темноте. Под стеной музея.

В своём городе я обычно с самого зелёного тинейджерства ссал, где хотел. Фишечка типа. Считал, мне можно. Можно, потому что в этом городе жил мой прадед, дед, отец. И сейчас я с сыновьями. Патриций типа. Нравилось мне так думать.

Под стеной музея – ровно посреди мочевой процедуры.

Не то чтобы ужасно. Но всё-таки неприятно, когда тебе на член светят фонариком. Был бы фонарик зажат в руке голой женщины – другое дело. Даже необязательно голой.

Но – не повезло. Это была обычная ментовская рука.

Я закончил. Милиционеры – тупой и ещё тупее, «хороший» и «плохой», постарше и помоложе, всё строго по классике – подождали и стали полупоучать и полуугрожать. И, не знаю почему – точнее только догадываюсь – я, патриций, бля, забыл им сказать о своём праве мочиться где угодно. Мне открылось, что менты – это не те люди, даже совсем далеко далеко

далеко далеко не те люди, которым стоит рассказывать о своём происхождении, своей династии и правах старожилы...

Менты настойчиво приглашали в горотдел. Я не возражал – думал, интересное приключение будет. Но Марсель шёпотом посоветовал дать ментам денег.

Почему нет? Так и сделали.

И сделали, думаю, правильно – поездка в горотдел имела мало шансов получиться интересно-поучительной, но много шансов стать скучно-нервической. А фестивальчик-то шёл вовсю, друзья с пивом ждали – какой-такой горотдел? То есть синица, слегка обрызганная мочой, была уже в руках, а менты хотели показать мне журавля.

Хитрые. Всем известно, что в горотделе птиц нет. Одни орнитологи по камерам сидят. Которые просрали своих синиц. И попались во время охоты на журавлей в небе.

Менты взяли деньги и ушли. Даже пальчиком не пригрозили. Интересная всё-таки профессия – светить фонариком на чужие гениталии и деньги за это получать. Вуайеристам и не снилось.

Бля, только щас понял, что «Get Drunk And Come With Me» это ментовская майка.

Я, естественно, вернулся на то же место, где они остановили мой полноправный физиологический процесс. И нассал ещё раз. Патриций я или право имею?

А потом закурил, выпил пива и подумал: странная это всё-таки вещь – общение с ментами. Они, плебеи, сами того не зная и не желая, открывают тебе такие глубоко сидящие – в тебе же сидящие – вещи, до- и недостатки, о которых ты, патриций, даже не догадывался. Или догадывался, но не хотел верить. Психологи в фуражках, блеать.

Домашняя майка. В ней уютно принимать гостей и спрашивать, сколько сахара класть им в кофе.

Да, обычно с кофе всё и начинается...

А на следующее утро срач в хате ещё мучительнее, чем вчера.

Приходит генерал к министру и говорит:

– Купите мне, пожалуйста, десять танков.

– Десять много. Не могу. Давай пять, – говорит министр.

– Ну хотя бы восемь.

– Ок, уломал. Вот тебе: 14 миллионов на семь танков. Два лимона один танк.

– Спасибо большое!

Генералу покупают танки. Семь, правда, не получилось, цены поменялись, хватило лишь на пять, зато с магнитолами. Пацаны-танкисты их смазывают, ездят на них и даже стреляют, а генерал едет в Италию и даже в Венецию отдыхать.

Проходит шестнадцать лет. Другой генерал приходит к другому министру и снова просит купить пару танчиков. Мол, тех, что есть – мало. Ну ок, покупают еще пять по той же схеме. Но в новых уже не только магнитолы, но и компьютеры, кондиционеры, итальянская плитка и немецкое отопление.

А тем временем...

Приходит дядя Коля к министру и говорит:

– Купите мне трактор. Хоть китайский. Я хочу картошку делать. До самой смерти людям буду картошку на тракторе делать. С утра до вечера. Нахуй мне Турция. Нахуй мне Венеция. Я буду целое лето дома баклажаны делать. И лук, и свинину. Ей-богу.

– Знаешь, сколько трактор стоит в наше время? Шесть тысяч восемьсот долларов! А ты шо думал? Если ко мне тут все начнут за тракторами ходить – страна к чертям разорится. Хрен тебе, а не трактор. Сам себе купи. Продай картошку, продай свинью и купи.

Танки генералу с увеличенной печенью покупают – а трактор дяде Коле не покупают.

Увеличенная печень у дяди Коли или нет – всё равно не покупают. Даже с камнем в жёлчном пузыре не покупают.

Но ведь как это так? Неужели только потому, что лампы генерала красивее, чем спортивная дяди Коли? Неужели потому, что дизайнеры здесь тоже затупили? Да когда ж это кончится?

Смелая девушка Клава, вышедшая гулять в майке Агсл Бу, подразумевает – так сказать, «по умолчанию» – что, чувак, разгадавший секрет майки, достоин того, чтоб эту девушку, извините, агсл. Типа игра такая. «Взрослая», без непоняток, лишних подружек, смеха над листочками. T-shirt blind date что ли.

Девушка, конечно же, должна быть очень храброй, практически безрассудной – неизвестно же, чем игра закончится. Тем более, что никто пока об этой игре не подозревает. Но кто не рискует, тот вщуйтее вкштл сrfьзфшпту, так сказать.

По такому принципу можно делать майки и попроще. Скажем, Лшыы Бу. Или Рун Рщ Дудеёы Пщ! Или ФИИФ. Или Шь Пфн.

Потным поздним июльским вечером мы с Марселем пили в центре города водку. Просто так пили, жарко типа.

Напротив нашей лавочки шла стройка, обнесённая временным забором из досок и синей полиэтиленовой мешковины высотой в человеческий рост. И в заборе том была дыра.

После очередного глоточка «зелёной марки» мне захотелось глянуть, что и как строят на главной площади города. Водка активизирует любопытство. Я подошёл и сунул голову в дыру с пыльными рваными краями. Стройка стройкой – бетономешалка, лопаты, кирпичи и вёдра.

Но – прямо перед моей сунутой в дыру головой, буквально в двух метрах стоял сторож. Седой грязноватый дядя – обветренное лицо, тяжёлый полусонный взгляд, сторожевая самоуверенность. Он не курил, не ходил, не работал – он просто стоял и смотрел перед собой. То есть прямо на меня.

И когда наши глаза встретились, сторож сказал:

– Я вас слушаю.

Серьёзным, медленным голосом.

Как врач. Целитель. Психиатр. Волонтёр Красного Креста.
Я улыбнулся ему. И пожал плечами.
– Ну шо там? – спросил Марсель, когда я вернулся.
Мне стало смешно. Представил, как сторож спрашивает: на что жалуется?
Но Марселю сказал правду. Стараюсь не врать.
Если б сторож спросил «на что жалуется?», я, как истинный ипохондрик, залез бы в дыру, чтоб обнять его.
И получил бы лопатой. Прямо по обнимающим миролюбивым рукам.
Нет, не надо лазить в дыры. Сторожа отдельно, ипохондрики отдельно.
Мы допили водку и... не помню, что было дальше. Рфззн утв, короче. Сори, клавиша переключилась. В смысле, хеппи энд. Проснуться утром дома – уже хеппи энд.

– Слушай, кофе есть? Свари кофе, я тебе щас всё объясню.
– Хорошо.
Чистый кофе варить неинтересно. В четырнадцать лет, когда в гормональной истерике я выбросил через окно игру «Юный химик», во мне надломилось что-то алхимическое. И с тех пор экспериментирую. В кофе подмешиваю корицу, тмин, базилик, розмарин, какао, мускатный орех, чёрный перец и ванильный сахар. Ну не всё сразу, конечно, а так, импровизирую.
Во время одной из юношеских пьянок, когда родители уехали, нехватку кофе я компенсировал кокосовой стружкой. Мать потом чуть не пыталась меня, обвиняя в том, что варил наркотики.
А чтоб взбодрить полуночную компанию, бодяжу в кофеварке смесь: треть чёрного чая плюс плотно кофе. Пьяными рецепторами никто не выкупает, что кофе не чистый, а эффект – энергетика спрячутся, проверено на друзьях. Если позарез нужно встретить рассвет – самое то.
На мне была майка «The My Englisch Is Bed».
Я сделал её лет пять назад, текстильными фломастерами. Она уже поблекла и перешла в разряд ночнушек.
– Хорошо, расскажи тогда дураку про бабло чистой воды.
– А что, думаешь, такую майку нельзя продать?
– Продать всё можно. Сколько дашь?
– Да ладно, чувак, надо открыть магазин, понимаешь? Твои майки будем продавать.
– Кому?
– Как кому? Всем!
– Всем можно продавать водку, пиво и адидас с пумой. А на футболках навару не будет. Ну разве ещё травой приторговывать.
– Ну да, и плюс трава, почему нет? Так что, мутим бизняк?

– Бля, я же пошутил.

Футболочка и для мужчин, и для женщин.

В наше не всегда гетеросексуальное время прохожим придётся поморщить лобик, угадывая, что ты имеешь в виду.

При желании можно увеличить количество морщин на лбах прохожих. Добавив на спину ещё одну надпись. Imagine Im not a girl.

Сигареты в некотором смысле объединяют.

Но только если куришь с друзьями, коллегами, попутчиками. Если же просят сигарету долбаки – разъединяют. Особенно если некрасивые долбаки.

Одной лишь никотиновой зависимости маловато для общности взглядов и вкусов. Мужчин наличие яиц тоже не всегда объединяет. Наличие в организме яиц объединяет скорее с теми, у кого яичники.

А вот трава в кармане – другое дело. Потому что объединяющий secret. Хотя вот опять-таки – secretорная функция желудка не объединяет. Потому что есть у всех.

Сближают людей те штучки, в которых присутствует подобие тайны, избранности и «врублённости». Ну, Harley Davidson там, виниловые диски, вегетарианство, ноябрьская водка в подъезде, лампасы, золотые зубы и доходы выше миллиона долларов.

Нет, миллионы тоже не сильно объединяют. Но тут уж я не знаток. Не сексолог.

Люблю читатм, писатм, пипт и курипт.

Когда я был маленький и юношеский, мне казалось, пить в барах скучно. Мы пили на крыше, на речке, в парке, в подвале – до сих пор считаю, что там интереснее. Но в бары почему-то всё равно хожу. Как дурак.

Чем отличается взрослость от тинейджерства? И всем, и ничем.

Когда тебе ещё нет двадцати, ты не хочешь целенаправленно делать глупостей, но делаешь. Блюёшь в снег, например, на виду у проносящихся рядом лыжников.

Блюёшь и смутно думаешь: «Дорогой сэръ или мадам... я не пьяный, честно... это вино просто невкусное было».

А когда взрослый, ну реально взрослый – ты хочешь делать глупости, но целенаправленно не делаешь их. А если делаешь – то не целенаправленно. Не блюёшь ни в снег, ни в окно электрички, потому как не обязательно ехать в горы, чтоб напиться. Рагуха.

Разница в мировоззрении взрослых и тинейджеров напоминает мокрый стульчак в баре.

Когда попадаешь в WC в полвосьмого вечера и видишь обрызганный мочой стульчак – тебе гадко. Как минимум гадковато.

А когда заходишь туда же в 23.52, то о таком же стульчаке ты думаешь: «Бля, как весело. Бля, как жизненно. Бля, какие мы все тут классные».

И брызгаешь ещё.

И, как ни странно, в 23.52 мы все тут и в самом деле классные. Все до одного.

Это не миф и не анекдоты про Вовочку: дети-дураки существуют.

Их мозг лежит на четырёх китах воспитания: родители, телевизор, дураки и снова родители. Иногда на берег мозга выбрасывается пятый кит – бабушка. Помирает, воняет и давит телом мозг дурака до скончания веков.

Конечно, дети не китобои. Не виноваты. Но скажите честно: если в процессе общения новый знакомый оказался дураком – разве вам не всё равно, при каких обстоятельствах это с ним произошло?

Как-то к отцу зашёл дядя Толя, он страшно кашлял. И после очередного приступа сказал мне:

– Богом тебя молю, не кури, ты видишь, что со мной сигареты сделали? Я кашляю и кашляю, но не могу от них отказаться.

Я понимающе кивнул.

А дядя Иштван, художник, как-то поднёс к моему носу дымящийся «Космос» с пожёванным фильтром:

– Смотри, я раб этого бычка. Не кури.

И что, думаете, не стал я курить? Стал как миленький.

Чистая арифметика. Люди, советующие не курить и хорошо учиться, настолько старше, что те десятилетия разницы кажутся необозримой пропастью в ваши двенадцать лет. Эти люди для вас как двоюродные братья юриягагарина или свидетели второго выступления Rolling Stones. Кажется, чтоб закашляться, как дядя Иштван, надо прожить вечность.

На бесконечное будущее тинейджер смотрит, как на годы графа Монте-Кристо в тюрьме – хватит времени и на миллион сигарет, и на миллион чипсов, и на кашель, и на таблетки от кашля, и на водку, и на «хорошо учиться», и на «плохо учиться», и на йогу, и на курсы французского, и на гитару Gibson, и на японскую диету и даже на скуку чистой воды по любому придётся выделить года полтора. Океаны времени просто некуда девать. Если только третья четверть в шестом классе тянется бесконечно, то что говорить о безмерно далёкой старости, когда исполнится тридцать или, о Боже, нет, сорок лет.

Вдобавок каждое поколение втайне верит, что вот-вот, через годик-два придумают безопасные сигареты, полезную водку и эликсир молодости.

В детстве – между шестью и девятнадцатью с половиной лет – мы искажённо представляем себе китов, на которых валяется мир взрослых. Ошибка в представлении о китах прячется в цифрах. Как назло, арифметика служит людям во всех сферах, кроме одной. В сфере плюсов и минусов, о которых мы задумываемся каждый год в день рождения.

Дети верят, что в шестнадцать лет у них появятся мускулы и сиськи. Что в двадцать они будут всё (всё!) знать. Что в двадцать два обязательно будет регулярный-любовный-всегда-кончающийся-оргазмом секс. А в двадцать пять они если и не станут ещё миллионерами,

то, во всяком случае, смогут сами купить себе Gibson, грузовик чипсов, ящик виски и таблетки для бессонницы. Кучу-кучу разных таблеток.

Да, конечно, но это неправда.

– Неправда? – спросят дети. – Ну, хорошо, а во сколько лет, по-вашему, у нас вырастут мускулы и сиськи?

А ни во сколько! В самой постановке вопроса – разрушительная сущность веры в связь между количеством прожитых лет с мускуло-сиськами.

Ограничитель «до 16» на эротических DVD или цифра «до 18» на сигаретных киосках – просто ориентиры. Но дети-то придают этим цифрам значение. Мы – нет, они – да.

Кстати, почему эти цифры всегда делятся на два? И почему единственная подобная цифра – 21 – на два не делится? Всемирный заговор, не иначе.

Арифметика врёт, указывая, когда можно пить, курить, трахаться и ездить в Лас-Вегас. Даже родителям дурачков ясно, что некоторым смотреть порнуху можно только через год после свадьбы. А есть кому «можно» курить уже в семнадцать. И есть миллионы организмов, которым вообще никогда не стоит пить и курить.

А с травой вообще смешно. Человек уже три литра конопли скурил, а паспорт ему ещё нельзя, не дорос.

А кто определяет, когда уже можно на тракторе картошку делать и танки смазывать? А почему сигареты именно с восемнадцати? Вот проснулся мальчик в день рождения – и спокойно закуривает. Что изменилось? Поумнел за ночь сильно?

Взрослые с арифметикой внушают детям, что цифры и возраст имеют значение. Раз по закону разрешено употреблять токсины с восемнадцати лет, то почему б не придумать себе мускулы и сиськи с деньгами в возрасте икс.

Но это, бля, не так!

Знаю, потому что у меня, к сожалению, до сих пор мускулы не выросли. Я их ждал-ждал и ни фиги. Чистое разводилово с этими мускулами.

А на сиськи постоянно денег не хватает.

В общем, идёшь ты с пацанами по улице. Идёшь-идёшь и подходишь к такому модному-всему-из-себя чувачку. У которого на груди Tom Tailor написано. С кем не бывает. Торозишь его и ставишь ноги пошире. Устанавливаешь взгляд на его переносице, чтоб пострашнее, и говоришь:

– Ты чо, том тэйлор?

– Нет.

– А чо у тя тут том написано?

– Так это фирма такая, бренд...

- Ты чо, Том? Какой в жопу бренд, бредишь шо ли, хаха.
- Нет, это дизайнера так зовут... ладно, я пошёл.
- Жджди, куда спешишь? Какого нахуй дизайнера, ты чо гомик, шо ли?
- Нет, почему, при чём здесь? Я иду, короче...
- Подожди, Том. Ха. Стой. Ты чо, американец? Покажи паспорт.
- Всё, мне надо идти.
- Стой, я сказал, Тэйлор, дай сигарету. Американскую, блянах.
- Нету.

Ну и далее по тексту. Если же на чувачке написано не Том Тэйлор, а Philip Russel, то, само собой, и придолбываться соответственно. Чтоб всё модно и по протоколу. Ну а для непротивления злу насилием желательно в конце успокоить американского гомика:

– Про прекрасное рыло, одежду, мысли и прочее фуфло слышал? Так вот, бля, шоб знал – одежда должна быть пиздатой. Нехер лелеять на груди всяких пидарасов. Понятно? Я спрашиваю – понятно тебе? Ну всё, гуляй. Ещё раз встречу в Тэйлоре... – Тут для порядку сделать кулаком быстрое угрожающее движение, поржать над инстинктивной реакцией америкоса и продолжить не спеша путь.

Идёшь такой, и думаешь: «Бля, какие мы все тут классные...»

Наткнулся тут в интернете на Геббельса. Ничего удивительного, на него невозможно не наткнуться – дядя Йозеф оставил в умах серьёзный след, не меньше Янтарной комнаты. В пропаганде он шарил нормально. Любое рекламное агентство его и без резюме бы приняло. И учеников-последователей после себя оставил нехило так. Пряж жуть и смерть, какие способные ученики попались. Роль российского телевизора в (информационной) войне 2014 года тому железное подтверждение.

Думаю, в футболкологии он бы тоже себя нехило проявил. Судя по его высказываниям на эту тему:

Ложь, напечатанная на тысячах футболок, становится правдой.

Дайте мне парочку больших трикожажных фабрик, и я из любого народа сделаю стадо трёхполосных млекопитающих.

Худший враг любой T-shirt пропаганды – интеллектуализм.

Эх, Йозеф, Йозеф, что ж ты родился так не вовремя...

Ничего ужасного вроде, но – тинейджеров жалко. Они не готовы к несмешному алкоголю. Тинейджеры – самая уязвимая для несмешного алкоголя социальная группа. Они думают, пить всегда весело. Пить *всегда будет* весело. И смешно. И круто. И забойно. И улётно. И хихи. И хаха.

Грубо говоря, до двадцати пяти лет ты пьёшь и все виды опьянения, и понятные, и непонятные, воспринимаешь, как течение, которое несёт. Потокое состояние. А после, грубо говоря, тридцати, течением ты можешь уже управлять. Выучил пару приёмчиков. Как пьяный дзюдоист типа. Или пьяный джазист.

Но очень медленно и почти незаметно – по буквочке в год, по улыбочке – приходит понимание, что иногда, сколько не пей – весело не станет. Глубина, широта и сила смеха исчезает. Тает, как Гренландия от глобального потепления.

С коноплём то же самое – но не по буквочке, а по пакетику в год. Объединяющий secret, конечно же, никуда не девается, но глубина, широта и сила всё-таки уже не те, что были.

Кстати, интересно – сколько несмешного алкоголя человек выпивает за жизнь? Этого мы никогда не узнаем. Но даже если британские учёные поднапрягутся и сообщат эти трезвые цифры – ничего не изменится. Цифры впечатляют, но ничего не меняют.

Потому что пить надо больше, товарищи, значительно больше.

Иногда таааак хочется. Чтоб на этом вот персонаже. Который сейчас говорит. И маячит, как баннер. И никого не слышит. И гнёт свою линию, как силач подкову. И выпячивает эго. И несёт реальную чушь. Жестокую действительность ахинеи. Чтоб на нём была кнопочка Escape. Где-то на плече. Или над бровью.

Такие персонажи встречаются, да. Хуже телевизора.

Вот ему бы не в бровь, а по кнопочке.

Если посмотреть на мозг художника – обидеть же их каждый имеет право, – то легко заметить, что *artists* к алкоголю равнодушны давно и по умолчанию. Что делать, вредные условия труда. Несмотря на обиды, художники всё же работают и творят. Но как они ухитряются, если клетки утекают в океан, как умы за границу? Как ни крути, на одном табаке с коньяком далеко не уплывёшь – мозг полюбэ нужен. Хоть небольшой, с тараканчика, мозжечок – а нужен.

Но природа – мудрая бухгалтерша. Допустим, есть у человека или там художника мозг – чем чёрт не шутит. Все клетки на месте. Он трудится и тужится, но радикально новых идей нет.

«А хули?» – думает он и идёт в закусочную. И выпивает графинчик дешёвого коньяка. А потом, около 23.52, выпивает ещё чуть-чуть. И, о чудо – клетки, которые годами узколобо плыли по течению и работали в одном направлении – тут эти клетки валятся, как лес от бензопилы. И лежат брёвнами. Подбегают кровяные тельца, вяжут из них плот и сплавляют в мочевой пузырь. А затем этапируют в унитаз, на стульчак и на корм алкокораллам.

А человеко-художник проснулся на следующий день, минералки попил, кофе сварил, ожил и решил чего-то сотворить. Даже идея вроде появилась свежая. Или две. Но откуда? Полмозга же уплыло в гости к Планктону с Губкой Бобом. Нет, не от верблюда идея и не с интернета. А случилось почти лоботомическое чудо – заработали новые клетки. Те, что тупо спали и ждали своего часа, как мины Второй мировой.

А новые клетки и тужатся по-новому. Не совсем уж усратья абсолютно-абсолютно по-новому – но всё же иначе. Генетика – тоже бухгалтерша. Новые мозгоклетки не могут отличаться от старых, как Marilyn Manson от Woody Allen-a.

Нет, они сильно похожи. Как, скажем, группа Radiohead семнадцатого июня 1997 года похожа на группу Radiohead восемнадцатого июня 1997 года.

Был четверг. Люблю этот день недели – сам не знаю, может из-за буквы «ч»? Я сидел в баре «Его». Пиво, кофе, апельсиновый сок и водка. Ну не всё в одном бокале, конечно, но приблизительно. Хотя сокам я тоже не доверяю, но, согласитесь, минералка с пивом – это как-то гнусно.

В рюкзаке – пачки чёрного чая, зелёного чая и кофе. Это на завтра – утро без денег начать ещё можно, а без кофеина нет. Ну и ещё *player*, сигареты и разное «а-вдруг-пригодится». Пять процентов того, что взял бы на необитаемый остров.

Слушал я тогда, кажется, группу Mutemath. Да, точно, ещё под музыку придумал слоган для какого-то бара:

«Убей лишние клетки мозга – зачем нести их домой?»

В общем, слушал я музон и смотрел, как два англоязычных полупрестарелых иностранца угощали молоденьких официанток абсентом. Смена тогда была вся симпатичная, в мини-

юбках. А посетителей мало и девочки могли спокойно посидеть с угощателями, которые времени не теряли и пили на показуху много. Хорохорились и шутили.

В углу бара целовались синеглазая симпатюля с голубоглазым блондином, как в спокойном французском фильме. Кажется, больше никого не было.

Бар – это целый мир. Алкоголь, любовь, пицца, сигареты, микробы, rock'n`roll, красавицы, деньги и надежды. За последним сюда и приходят. Целый день homo moneymoneyens заняты воплощением надежд. Это долго, трудно и скучно. Иногда безрезультатно. А вечером надеющиеся валят в мир-бар, где на полвечера всё становится быстрым, лёгким и весёлым. И главное – надежды кажутся выполнимыми и реальными. А иногда одетыми в мини-юбку. Та вон, рыжая, кстати, очень даже ничего.

Иногда после нескольких рюмок хочется знакомиться. Нет, не с официантками – я их боюсь. Неизвестное пугает. Подходящие же мужские кандидатуры были заняты своим и сначала я плюнул на новые знакомства, но.

Включил группу Pow Wows. Первые песни довольно хорошие. Но название непонятное. Я не знал, откуда прибыли те англоязычные пьяненькие уже дяди, особо не прислушивался, но решил спросить у них.

Когда я подошёл, они отреагировали радушно. Видимо, хотели понравиться окружающим – на всякий случай, мало ли. Да и вызвать симпатию официанток заодно. Хотя официантки и так уже во всю хихикали и строили глазки. Я спросил по-английски, не знают ли случайно, что значит Pow Wows. По первому же слову понял, что инглиш им не родной. Оказалось, один из Польши, а второй из Вены. Не важно.

Австриец совсем не удивился вопросу и сказал: «да, сейчас, одну секунду». И стал постукивать пальцем по экрану своего телефона или чего – что-то карманное и большое. Короче, он чё-то понажимал и показал экран.

Pow Wows. Тот же альбом, что и у меня.

В баре одиннадцать человек. Включая официанток и пиццелогов. И у двух чужих другу друг людей на девайсе была одна и та же группа. Pow Wows вообще-то – не хуй знает что. Но точно не Radiohead и не Iron Maiden – по количеству слушателей. Я потом глянул их на Youtube и у одного из клипов был просмотр всего 214 раз. Не 214 000, а 214.

После такого совпадения не хватало лишь двух грабителей в масках, которые бы ворвались с одним пистиком на двоих, чтоб забрать выручку у захмелевших официанток. И ещё не хватало, чтоб у одного из них была майка, да, угадали – Pow Wows.

А у второго, скажем, Absinthe Makes Me Crazy.

Или I Love Pizza.

Или Mutemath. Хотя нет, Mutemath уже слишком.

Но, к сожалению, грабители не пришли, маек Absinthe Makes Me Crazy не существует – не говоря уж о Pow Wows, – так что «кина» не получилось.

А ещё после того совпадения, по барной алкологике, мы с австрийцем, поляком и официантками должны были забухать. Ну, по музыкальной теме, так сказать – родственные rowwow-души, общие вкусы и прочее. Но я вежливый чел, я видел, что у них планы на вечер и на обслуживающий персонал. И ни в коем случае не хотелось, чтоб подумали, будто я под предлогом вопроса и музыки хочу за ихний счёт абсент пить. Не тинейджер уже.

А Pow Wows, как потом Google показал, – это собрание североамериканских индейцев, что-то типа фестиваля. Так что, учитывая предельно малый шанс на одновременное присутствие Pow Wows в player-ах случайно встретившихся в четверговом баре людей – один из которых воше был проездом, – индейцы каким-то образом вмешались. И дали знак. Без этого знака я б и не посчитал нужным это запоминать. Возможно, мы с австрийцем были лишь пешками в игре индейцев. Просто пешками, которые записали себе Pow Wows на девайсы, чтоб встретиться.

Вот только думаю. Если я, записав эту историю, сам по своей воле *повторно* стал пешкой в игре индейцев – запустив историю в некотором смысле в космос, – то стал ли *повторно* пешкой тот австриец? После того как, нафлиртовавшись вволю, вернулся домой. И если да, как он это сделал? Или как космос *заставил* его это сделать?

Надо было его имэйл записать.

Хотя, если б я и спросил его об этом в письме, он бы:

1. Не понял, при чём здесь индейцы.
2. Не ответил бы, потому что обиделся за «пешку».
3. Попросил бы скинуть контакты рыжей официантки.
4. На пункт третий я б ответил, что с официанткой он познакомился благодаря индейцам и что у них прекрасное совместное будущее.
5. И что у неё будет квартира в центре Вены, когда он умрёт от томагавка.
6. Или от абсента.
7. Или от руки девайса.

Нет. Я бы ему написал что-нибудь другое. Чтоб запутать.

Скажем, типа такое:

Если писать стихи —
То уж обязательно
О молодых официантках,
А не об индейцах.
Ведь молодые официантки —
это наше будущее.

Бля, в «Его» ж вай-фай есть. Он просто загулил Pow Wows. Какой же я дурак. Стихи ему тут пишу.

Все мозги бля в океан уплыли.

Майка для усталых меломанов. Вроде бы – от чего там устать? Музыку слушать – не картошку чистить.

Но, скажу неусталым меломанам, тут неожиданная вещь происходит. Хорошей музыки всегда было много. Ну не то чтобы слишком много – по мнению некоторых, её совсем даже мало – но на одну жизнь вроде хватает. Если постоянно копать и копать и алмазы меломанские раскапывать. Тем более щас – с интернетом парочку алмазов накопать легче, чем книгу прочесть.

Но годы идут и алмазы не то чтобы уже не попадаются, а перестают быть алмазами. Вот вроде нарыл чего-то, включил наугад – похоже на алмаз. А потом расслушал – не, ни фига не алмаз. Так, цветная стекляшка, поцарапанная вдобавок в двух местах. Или даже не стекляшка, а вообще жвачка засохшая.

И Сталин, сука, со своим музметодом выбрасывается на берег мозга.

Дело, скорее, не в отсталости алмазной промышленности, а в усталости меломана. Усталого меломана перестают цеплять неизвестные группы/альбомы/раритеты. Ему привычнее сидеть в своей старой звуковой колыбельке. Типа разочарованного в современности пенсионера:

– А вот раньше... раньше даже рыбий жир был вкуснее...

Всё хорошее, чего есть в музыке, усталый меломан давно расслушал и разобрал – по ноткам, песенкам и воспоминаниям первых гитаристов, вторых менеджеров и живых ещё участников легендарной команды.

Ну и ясно, что на живой концерт новенькой группы «Мухи Не Ебались» меломана из колыбельки вытащить трудно. Особенно если все участники группы до сих пор живы. Пионерия, бля.

Думаю, музыкальная усталость – закономерный процесс. Все там будем. Или почти все.

Да и, положи руку на сердце, что хорошего в этих живых концертах? Одни кровь, пот и слёзы. А на следующий день бодун, кровь и слёзы. И шум в ушах, и денег ноль, и крепатура в мускулах и сиськах.

Хотя сходить на концерт в такой майке стбит. Тебя будут фоткать, будут улыбаться, и ты, чо уж там, тряхнёшь стариной и вспотеешь разок-другой. Ну а кровь со слезами – это необязательно, это для молодых.

Только вот на сцену лучше не лазить, мало ли. Басовая струна лопнет и в глаз даст. Или вокалиста на твои кеды стошнит. Или охранники ни за что побьют.

Да, и смотри, чтоб из рюкзака телефон не спиздили.

Когда умерла 97-летняя троюродная бабушка Марсея – так он мне, во всяком случае намекнул, – он после поминок пришёл ко мне ночевать. С гобеленом и польским винилом Rolling Stones под мышками. Диск «Through the Past, Darkly» клёвый, а вот гобелен – херня, хоть ему и не меньше лет, чем бабушке. Примитивный пейзаж в массивной раме.

– Чувак, сотри, какой... гобелен... – бормотал пьяный Марс. – Наследство. Сто баксов минимум. Или даже триста. Продай, чувак, пожалуйста. Мне неудобно такими делами заниматься. Бабушка умерла, плов забыл сварить... и всё такое.

– Типа мне удобно.

– Ну, ты там аферистов всяких знаешь, поспрашивай. С меня бутылка...

– А роллинги – тоже наследство от бабушки? – спросил я.
Но Марс уже уснул. Прямо в очках.

Большие Соса-Соловые зонтики перед кафе. Соса-Соловый брезент трепещет на ветру. Брендный флаг. Соса-Cole холодно. Как ёлочке в лесу – уже ноябрь. Но ей не страшно. Соса-Cola – оптимистка. Нет причин для плохого настроения. У Соса-Софы скоро Новый год. У Соса-Софы скоро новый Финансовый год. Несмотря даже на неприятности в лице идиота, который приближается к бьющейся на ветру Соса-Cole.

Подойдя к СС, как лесоруб к ёлочке, он сунул дымящийся бычок в уголок губ. И, пьяно улыбаясь, достал ножницы. Сосредоточенно стал вырезать кусочек флага. Затем сунул кусок Соса-Солового тела в карман. И зашагал домой, грея СС-плащаницу холодной рукой в грязном кармане. А порезанный брендный флаг остался трепетать на морозном городском ветру, как надорванное платьице спящей бездомной экс-уборщицы. Ожидая нового Финансового года.

Соса-Cole похуй раны. Режьте Соса-Coly.

Режьте, братцы, режьте. Режьте осторожно. Режьте, чтобы видел. Пассажир дорожный.

Это был бы красноречивый тест для батюшек. Легко проверить экспериментально – если, конечно, найдётся храбрец.

Вот ведёт пастор в такой майке каждое воскресенье службу. Целый год. Если через год его паства не уменьшилась – он хороший поп. Если уменьшилась – плохой.

Священники всех видов и всего мира постоянно упоминают о смерти во многих или почти всех своих проповедях.

А тут майка без философии, водички и призывов не грешить просто напоминает о смерти. Как бы это сработало? Что подумали бы прихожане? Как среагировали?

Да, не упомянул ещё о третьей возможности – а что, если паствы у такого священника стало бы больше? Скажем, хотя бы на парочку усталых меломанов. Он был бы, конечно, очень рад. Да и я тоже – это значило бы не только, что он хороший пастор, но и то, что майка хорошая. Эффективная, работающая.

Это вам не I ♥ NY.

Или Kiss Me.

Концерт. Жёсткий такой. Сплошные ужасы, death, метровые волосы и крашенные в трупный цвет музыканты.

Выхожу на улицу перекурить. Пью пиво со знакомым гитаристом.

Подходит мальчик, лет шестнадцати. На нём – чёрная футболка со словом MAREX. Не самодельная. Они с гитаристом разговорились о чём-то, а мне стало интересно.

– Что это марех?

– Это фирма такая, барабаны делают, – отвечает мальчик. Он, оказалось, барабанщик одной из выступающих групп.

– А я сначала подумал, это как-то с Muppet Show связано, – говорю. Пошутил типа.

– А что такое Muppet Show? – спрашивает мальчик.

Старость, оказывается, умеет прикидываться мальчиком-барабанщиком. Интересно. Кто бы мог подумать.

Танцевать и потеть в тот вечер не хотелось.

Да и боялся, чтоб телефончик не спиздили.

Да, носители различают эти слова даже на слух, но всё равно. Ну как можно жить, быть папой – и каждый божий день по сто раз слышать, как собственные дети называют тебя мерт-

вещом, трупом и подснежником? Чуть не зомби. А дэд должен ещё и радоваться, и водить их в садик, и на качели, и на чупа-чупс.

You will die one day, dad. Не удивляюсь, что у них рождаемость падает.

Представьте, что, кроме обычных детских проблем, вы *точно* знаете, что они, ваши, извините, дети всю жизнь будут называть вас ДЭД – мертвец, труп, папа. Типа – мы родились, значит, папа труп. Ему крышка, хана, амба, капут, кранты и жопа. Живой труп. Благодарный труп.

Для англоязычных, конечно, тоже кое-что звучит смешно или непонятно. Очень может быть, что папа и попа звучат для них одинаково. Я блюю – я люблю. Худею – хуюю.

Однажды англичане приехали ко мне в гости и придумали говорить вместо спасибо – Placebo. И прокатило, всем нравилось и все отвечали «пожалуйста».

А ещё они повезли домой коробку виноградного сока – потому что там было написано Сок.

– Вот. С корицей.

Юра В. глотнул кофе, почти не скривился и сказал:

– Короче. Мы откроем бар. Пивняк. Кофе, пиво, солёные палочки и прочее говно... Но главное – твои майки.

– Ты говорил про магазин.

– Бар и магазин в одном. Суть в футболках.

– Типа возьмите три датских пива, кило солёных палочек, а футболка в подарок, да?

– Я тебе щас этой ложечкой глаз выковыряю.

Если во мне умер химик, то в Юре – бандит. И не то чтобы совсем умер – он периодически воскресает, как пацифист на Пасху.

Словом, Юра придумал бар, где всё будет в футболках. Стены, двери, столы, официанты, подстаканники, стулья, потолок и бачок с унитазом.

– Всюду рисуем футболки, понимаешь? Чётко, ярко, под поп-арт.

– И что?

– Как что? Человек приходит, пьёт пиво, смотрит – о, классные футболки, хочу. А ты ему бац – вот, пожалуйста, берите на здоровье. У нас будет куча бабла, чувак.

Я тянусь к сигаретам – когда куришь, улыбка не так заметна.

– Шо ты лыбишься, дурак? Понятно, что не всё сразу, но, блядь, начинать-то с чего-то надо.

– Бар, говоришь? А официантки у нас будут?

– Конечно будут. Я знаю одну, Инга, в «Шедевре» работает.

– «Шедевр»? Как можно назвать бар «Шедевром»?

– Это не бар, там женские сумочки продают. А Инга суперчувиха, переманим, она всё умеет.

– И вы с Ингой после закрытия будете интимно подсчётом выручки заниматься, да?

– Иди в жопу.

– Слушай, я серьёзно. Какой, на хрен, бар? Где? Откуда? Ты знаешь, сколько нужно денег, чтобы бар открыть? Тебе ещё пять лет колёса продавать, чтоб хотя бы на пивной краник и бокалы заработать. И то если перестанешь по клубам шляться и на баб тратиться.

Знакомиться с людьми – на пляже, на концерте, в ресторане, в приёмной врача или в общественном туалете – немного легче, будучи выпимши, само собой. Ну или с невинным вопросиком подойти. Типа «а не подскажете случайно, что значит Row Wows?»

Но с заявлением этой футболки возможны подводные камни. Вот подбежит пьяный – и запрыгнет на шею знакомиться. С бутылкой. С фотографией экс-подруги. С анекдотами. В шортах с кокосовыми пальмами.

Опыт подсказывает, что бросающийся с объятиями stranger – это «удача» в пропорции фифти/фифти. Навязчивые дурачки тоже ходят на концерты, причём массово. А анекдоты навязчивых пьяных ещё хуже, чем фотографии экс-подруг.

Нет, пусть уж эта майка остаётся теоретической. От греха подальше.

Рискованная майка. Легко может спровоцировать незабываемые приключения. Из ряда «не пытайтесь повторить эту майку дома».

Возил её, кстати, в Лондон, на выставку, испытать на англичанах. Испытания прошли успешно. Так майка и попала сюда.

Качество обуви влияет на наши жизни сильнее, чем кажется.

Я покашлял и сделал очередной глоток.

В поле зрения попало неприятное лицо. А что, если бы вот ногой заехать? Расхерачить тупую морду.

Да ну, глупости.

Я вытянул ноги вперёд, до самого горизонта, и усталился на свои кожаные кеды. Кожаные, рыжие, очень даже ничего.

Зачем драться, если шкары нравятся? Всё ок, чувак.

А что, если не нравятся? Ну, тогда, чувак, хоть и не всё ок, но драться всё равно нехорошо. Иди лучше домой.

Если же шкары были бы мне похеру – плохи дела. Тогда железобетонно пора домой. Сию же минуту – come on!

Ходить в плохих, неприятных или, тем более, равнодушных шкарах нельзя. Вредно для нервов и мира на Земле. И так слишком много людей ходит в дурацкой обуви.

Да, согласен – найти хорошие шкары трудно. Но они стоят того. Зато потом будешь ходить и излучать свободу, равенство, братство.

Слово «драка» даже в голову не придёт. Не надо никаких алкогольных приключений. Драться – это тебе не Соса-Соловый зонтик втихаря резать.

Обувное наблюдение – попробуйте как-то подержаться рукой за свою ногу, слушая одну из любимых песен.

А затем, через полминутки, с той же песней подержитесь за свою шкару.

Видите? Шкара приятнее на ощупь, чем нога.

Почему так? Я не знаю.

Но эксперимент доказывает, что обувь влияет на настроение. С другими вещами это не работает. При какой бы песне вы не держались за грудь подруги, всё равно грудь будет нравиться больше, чем её лифчик.

Это легко проверить. Вещизм и фетишизм – науки экспериментальные.

И я снова покашлял. Фарингит сраный.

Майка для пешеходов. Водители, глядя в зеркало заднего вида, будут читать и вспоминать о том, что управлять транспортными средствами нужно осторожно. Уже три штуки в магазине продал.

В 1990-х почти всегда были напряги с сигаретами. Они постоянно кончались, вечно приходилось пересчитывать их – могу ли дать знакомому или и самому не хватит; часто приходилось выходить из дому и бродить-стрелять по улицам, потому что купить было не на что.³ Курить с друзьями одну на двоих было повседневно.

И была в те времена такая поговорка-легенда, что с фильтра можно сделать восемнадцать затяжек. Ну, не помню, чтоб аж целых 18, точно не подсчитывал, но, кажется, четыре затяжки получались и у меня. В девяностых на фарингит было как-то насрать.

А вот в XXI веке сигарет у всех стало много, в пачку заглядывать стало лень, стрелять – и in, и out – стало не в напряг и поговорка естественным образом исчезла. Ну и количество затяжек с фильтра уже никого не интересует. Меня тоже. Разбогател типа. И, кажется, не стыжусь этого.

³ Только сейчас догадался – так вот, значит, откуда пошли компьютерные игры, те, что бродилки-стрелялки называются.

Oskar купил в Лондоне две коробочки magic mushrooms. Для них был назначен вечер. На четверых. Оскар начал мне что-то пояснять о количестве, деталях, разновидностях и чае из грибов. Начал и перебил сам себя:

– Trust me.

– Ok, I trust you.

Я и в самом деле доверял ему.

Одиннадцать дней в Англии были просто райскими. Мы наслаждались каждой минутой. Пейзажи, еда, транспорт, знакомства, дринк, Лондон, Ноттингэм, трава, божественные английские акценты и всёсёвсё – сплошной густой кайф.

Я выпил полкружки чая и решил: подожду, а там посмотрим.

Правильно.

Ночь растянулась. Ночь превратилась в четыре недели времени.

Четыре недели я ходил по двухкомнатной квартире и спасал нас всех от смерти. Подходил к ним, расслабленно лежащим, и спасал. Силой.

Вставай, говорил я. Дай мне CD, говорил я. Дай сигарету. Свари кофе. Сделай что-нибудь. Зачем, спрашивали Oskar, Zoe и Андриана. Но я не мог объяснить, не имел права. Я знал, что они все умирают, но не догадываются об этом. А если я произнесу фразу «because you are going to die», мы все в ту же секунду умрём. Даже я, спасатель. Dead dad. А дома нас сынишка ждёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.